

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ОСТРОВ
ВАЛЬГАЛЛА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Остров Вальгалла

«Автор»

2011

Самаров С. В.

Остров Вальгалла / С. В. Самаров — «Автор», 2011 — (Спецназ ГРУ)

В городе Челубеевске творятся неслыханные дела. На отдел вневедомственной охраны совершено нападение; убиты четыре милиционера и женщина-служащая, похищены автоматы и боеприпасы. Из этих автоматов позже расстреливают группу азербайджанских предпринимателей. Расследование приводит сыщиков в экстремальную школу для настоящих мужчин «Вальгалла». Есть подозрение, что курсантов жестко кодируют, готовя для совершения дерзких преступлений. Сотрудник ФСБ, внедренный в «Вальгаллу», бесследно исчезает. И тогда в школу направляется старший лейтенант спецназа ГРУ Станислав Ратилов. Его задача узнать, что творится в «Вальгалле», и не раскрыть себя. И постараться выжить...

© Самаров С. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
1	5
2	7
3	10
Часть I	14
Глава 1	14
1	14
2	18
Глава 2	23
1	23
2	27
Глава 3	32
1	32
2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Остров Вальгалла

Пролог

1

Длинный гостиничный коридор был устлан затертой ковровой дорожкой, которая глушила шаги большого сильного человека в камуфлированной одежде и «краповом» берете. Человек прошел от лифта в другой конец здания, глянул на затейливый номер «333», выведенный на инкрустированной двери люксовых апартаментов, оглянулся и только после этого постучал.

– Войдите, – раздался из-за двери высокий мужской голос. – Открыто.

Человек в «краповом» берете вошел, плотно прикрыл за собой дверь и в три широких шага преодолел небольшой коридор. В гостиничном номере было, кажется, три комнаты. В просторном холле работал кондиционер.

Из двери слева вышел высокий сухощавый человек в халате.

– Извините, я только что душ принял, не успел переодеться. Весь день по области ездил, слегка задержался. Дороги, сами понимаете, российские, я уже отвык от таких. К счастью, не сам за рулем был. Сам бы всю подвеску в машине разбил.

Человек в «краповом» берете сдержанно кивнул. Дождался, когда хозяин сядет сам, и сел в кресло рядом с журнальным столиком. Но и сидя не снял берет.

– Выпить я вам не предлагаю, поскольку возвращаться вы будете с большими деньгами.

– Я не пью. Даже без денег, – просто и грубовато ответил гость. – А если и пью, то только хорошую самогонку. Она качественнее самой дорогой водки, которую кавказцы в ближайшем подвале разливают. Хотя бы есть гарантия не отравиться. А все магазинное... паленка.

– Это Россия со своими принципами.

– Только не надо мне говорить про иностранную водку. Пробовал – дрянь. Я в командировке во Франции был. Там вино, как газировка. А если что покрепче – хуже дагестанского «самопала». А уж про закуску я не говорю. Все без вкуса и запаха. У вас в Англии не был, но, думаю, не намного лучше. Но давайте о делах...

– Хорошо. С вашим помощником мы все обговорили. Вы в курсе дел, так я понимаю?

– Иначе я сюда не пришел бы. Мне обо всем доложили.

– И прекрасно, что пришли, потому что с помощником найти общий язык было, признаюсь, трудно. Он не умеет понимать намеков. Желает, чтобы ему все разложили по полочкам. Тяжелый человек.

– Да, с ним бывает трудно. Особенно когда упрется. Но он со своим авторитетом мне необходим именно для нашего дела.

– Мы с вами еще в первую встречу обговорили все тонкости. Потому с вашим помощником я сильно не откровенничал.

– Я так и понял. Задачи остаются прежними и вполне выполнимыми. Главное, чтобы оплата поступала вовремя. Наличными. Безналичными только самый минимум. Счета я открою в ближайшее время. В разных банках.

– Да, конечно, как и договаривались. Официальный договор мы с вами подписывать не будем, чтобы не афишировать участия в деле контрагента из-за границы. Но расписку в получении денег вам необходимо будет написать.

– Я напишу. Проблемы в этом не вижу.

– А когда сможете начать работать?

– Я только что вернулся с Северного Кавказа, из Чечни. Неделька мне понадобится на восстановление нервной системы. Одновременно займусь своими делами. Мне до пенсии немного осталось. Хочется службы поспокойнее. Я ухожу из ОМОНа, должность мне уже подобрали. Честно говоря, я еще и не успел узнать какую. Но без полугодовых командировок на Северный Кавказ. И одно это уже радует. Не по возрасту мне это. Однако оформление тоже нервы потреплет. После этого, ровно через неделю, я займусь оформлением документации по школе. Мы, кстати, нашли хорошее название – школа «Вальгалла». Знаете, что это такое?

– Смутно.

– В скандинавском эпосе – потусторонний мир для воинов, погибших с мечом в руках. Своего рода Доска почета, на которую попадают только достойные.

– И долго продлится оформление?

– Не думаю, что долго. У меня есть на примете хорошие юристы, которые сумеют быстро и правильно все оформить. Они знают, кому нужно заплатить, чтобы обойти препоны.

– Как только будут готовы документы, я попрошу переслать нам по электронной почте копии. Электронный адрес у вашего помощника есть.

– Да. Он и перешлет. Он с компьютером лучше меня обращается.

Хозяин номера вышел в соседнюю комнату и принес дипломат, который раскрыл на журнальном столике.

– Считайте...

2

– Чайку, Сереня, еще сваргань-ка... – Дежурный по райотделу краснолицый майор Сколотов вытер платком вспотевшую красную лысину и глянул на помощника дежурного старшего сержанта Петрухина.

Сергей вздохнул и взял чайник, чтобы сходить за водой в туалет, поскольку в дежурке, располагавшейся у входной двери, своего водопроводного крана не имелось, но в этот момент зазвонил телефон. Майор потянулся за трубкой, а Петрухин остановился, предполагая, что после звонка дежурный может его еще куда-то послать.

Дежурить со Сколотовым не любил никто из сотрудников райотдела как раз из-за привычки майора пить невероятное количество чая. Причем майор всерьез и надолго обижался, если помощник не хотел разделить с ним компанию. И потому помощники предпочитали пить чай, а не водку, зная, что майор Сколотов в приятельских отношениях с начальником райотдела полковником Россомыхиным и может, если ему что-то не понравится, пожаловаться своему другу.

– Дежурный по райотделу майор Сколотов. Слушаю вас... – сказал майор в трубку. – Алло... Говорите...

– Нас всех тут... – с трудом прохрипел кто-то на другом конце провода. – Нас всех...

В трубке раздался стук, и разговор прервался.

Аппарат дежурного был без определителя номера. Майор немного подумал и все же отреагировал на странный звонок: не стал класть трубку на рычаги, чтобы не разрывалась связь, и с другого телефона позвонил на АТС с требованием проверить поступивший на номер дежурного звонок. Дежурный на телефонной станции ответил уже через минуту.

– Не понял... – пожал плечами Сколотов и задумался.

– Что там, товарищ майор? – поинтересовался Петрухин, оттягивая время своего похода за водой.

– Кто-то что-то мычал, потом, кажется, трубку уронил...

– А откуда звонили?

– Наши. Отдел вневедомственной охраны.

– У-у... Там они всегда пьяные, – со знанием дела сказал Петрухин.

– Проверить надо...

Майор по внутреннему справочнику нашел номер, набрал и долго ждал соединения. Никто не ответил. Тогда он набрал сначала второй номер, потом третий и четвертый. Не ответили ни по одному. Майор подумал и включил переговорное устройство, связывающее дежурного с комнатой отдыха «тревожной группы».

– Михалыч, стоняй-ка со своими во вневедомственную охрану. Что-то там не то творится...

Анатолий Михайлович Крушайло, капитан СОБРа, на подъем всегда был легок, независимо от того, на дежурстве находился или на обычной службе.

– Понял, товарищ майор. Выежаем...

«Тревожная группа» обычно покидала здание райотдела через выход во двор, где стояла их машина, и потому дежурный с помощником только шаги в гулком коридоре слышали, но саму группу не увидели. И пришлось все-таки старшему сержанту идти за водой. Майор Сколотов тем временем снова пытался дозвониться в отдел вневедомственной охраны.

Ему удалось это лишь тогда, когда чайник уже закипел. Петрухин уже разлил чай по бокалам. Но трубку взял не кто-то из сотрудников отдела, а капитан Крушайло, быстро преодолевший два километра.

– Что там, Михалыч? Все пьяны, как Сереня предполагает?

– Наверное, были пьяны, – медленно сказал капитан Крушайло. – Пустые бутылки стоят, закуска на столе. Но уже никогда, товарищ майор, не протрезвеют. Их всех перерезали. Четыре мента и женщина-служащая, за компьютером у них сидела. Ее изнасиловали. Похищено оружие. Все пистолеты и все автоматы из «горки» пропали. Патроны тоже забрали. Вызывайте следственную бригаду, товарищ майор, и объявляйте «Перехват». Хотя это скорее всего бесполезно, когда не знаем, кого перехватывать...

* * *

Реализация плана «Перехват», как обычно, ничего относящегося к делу не дала. План объявляется действующим при каждом серьезном или же резонансном преступлении, но удовлетворить своими результатами еще не сумел никого ни разу. В эту ночь было задержано пять пьяных водителей. В одной из проверяемых машин был обнаружен пистолет, переделанный под боевой из газового, в другой найдена граната «Ф-1». Но на момент преступления и у хозяина пистолета, и у обладателя гранаты было стопроцентное алиби. Вот и весь улов. До утра у следствия было время отдохнуть и почесать затылки.

Утром судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что все четыре пьяных милиционера были убиты двумя одинаковыми ножами примерно в одно и то же время. Они пытались сопротивляться, но оказать достойного отпора не смогли, из чего был сделан вывод, что нападение совершено людьми, имеющими хорошую боевую подготовку. Да и не полезут двое вооруженных лишь ножами бандитов на четырех милиционеров, имеющих и пистолеты, и автоматы и умеющих пользоваться оружием, если нет уверенности в своем преимуществе.

Версию о двух нападавших косвенно подтвердила та же самая судебно-медицинская экспертиза. Женщина-служащая, работавшая в эту смену за компьютером отдела вневедомственной охраны, перед убийством была изнасилована прямо на рабочем столе двумя разными людьми, о чем говорило исследование спермы насильников, имеющих разную группу. Конечно, все это вовсе не говорило, что вместе с двумя убийцами не было третьего, а может быть, и четвертого сообщника. Утверждалось только, что нападавших было как минимум двое. Действовали они с крайней степенью жестокости. Кроме того, на лицах и телах погибших были обнаружены множественные гематомы; это давало возможность предположить, что милиционеров зарезали уже тогда, когда они находились в бессознательном состоянии.

Мотив преступления определился однозначно и сомнений ни у кого не вызвал – бандиты напали на отдел с целью завладения боевым оружием и боеприпасами и цели своей достигли. При этом воспользовались тем, что из-за сильной жары в помещении отдела были настежь открыты для вентиляции двери. Знали они заранее или не знали об открытых дверях – это еще предстояло, если удастся, выяснить. Следствие началось, но продвигалось с трудом, потому что бандиты оставили слишком мало следов, по которым можно было бы на них быстро выйти. Оставалось по крупицам собирать данные и при этом ждать, что где-то всплывет оружие. Если похищают оружие, то, как правило, не для того, чтобы им любоваться.

Могли чем-то помочь показания мужа убитой женщины. Они жили в том же дворе, где располагался отдел вневедомственной охраны, только в соседнем доме. Примерно за пару часов до совершения нападения женщина забежала домой, чтобы отругать мужа. Он любил допоздна засиживаться у телевизора, а утром с трудом вставал на работу. И она в начале ночи прибегала домой, жаловалась мужу, что ее смена опять пьяная. Сама она спиртное не употребляла.

Муж вспомнил, что жена дважды или трижды говорила, что какая-то странная машина подолгу стоит у дверей отдела. Чем ей машина не нравилась, он не понимал. Жена вообще была человеком подозрительным, за что муж ее звал милиционершей, хотя она в милиции не служила, а работала по найму. Какая машина, российская или иномарка, жена тоже не сказала.

Да она и не отличила бы одну от другой, поскольку в машинах не разбиралась. Но, если женщина видела, могли видеть и другие. Может быть, даже милиционеры других смен. Это могло стать следом, по которому нужно было идти.

* * *

Оружие все же всплыло, и отстреляло оно очень громко, что называется, с резонансом. Буквально через три дня после нападения на отдел вневедомственной охраны в пригороде Челубеевска в частном доме собрались отпраздновать день рождения своего товарища девять выходцев из Азербайджана, торгующих на местном рынке произведенными в Китае «турецкими» вещами. Во дворе жарили шашлык, в холодильнике стояла водка. Но шашлык сгорел, а водка осталась нераспечатанной. Все девять азербайджанцев были расстреляны сразу из четырех автоматов. Автоматчики появились одновременно словно бы из ниоткуда. Просто возникли с четырех углов двора и стали расстреливать стоящих кучкой азербайджанцев. Все это видел сосед из окна мансарды своего дома. Все четыре автоматчика были в камуфляже. И исчезли так же неожиданно, как и появились, и сосед даже не понял, куда они пропали.

Правда, сосед был мертвецки пьян, когда рассказывал о случившемся сотрудникам милиции, которых он же и вызвал. Сам он уверял, что выпил уже после происшествия всего сто граммов водки и его от жары развезло. Хотел нервы успокоить. Верить или не верить пьяному, это уже другой вопрос. А главное было в том, что преступление совершили с помощью оружия, похищенного в отделе вневедомственной охраны. Все автоматные стволы были «отстреляны» в тире и после баллистической экспертизы зарегистрированы в картотеке областного управления МВД. Таким образом, предположить, что использовались другие автоматы, было уже невозможно. Однако этот расстрел мало добавил в дело поимки преступников...

3

Едва старший лейтенант Ратилов, командир взвода спецназа ГРУ, вернулся со своим взводом с планового марш-броска, его вызвали к начальнику штаба батальона. Даже дыхание перевести не дали. Марш-бросок был длительным, тридцатикилометровым, и чрезвычайно утомительным из-за жаркой погоды. Ратилов лишь успел умыться под краном лицо и тут же отправился в штаб, до которого было рукой подать.

Начальник штаба майор Колыхалов куда-то убежал, и старшему лейтенанту пришлось прождать у двери его кабинета почти десять минут. Наконец на лестнице послышались тяжелые и быстрые шаги майора. Колыхалов при подъеме на третий этаж тяжело дышал. Так дышать он начал вследствие ранения, после которого ему делали операцию на легких. Говорили, что операция была тяжелая, пуля вызвала внутреннее кровоизлияние, и пришлось удалить часть легкого; тем не менее каждое утро майор начинал с длительной пробежки, чтобы привести в норму дыхание.

– Здравия желаю, товарищ майор.

– Станислав... Заходи, дело есть. – Колыхалов так быстро открыл дверь своего кабинета, что показалось, будто он у двери и не останавливался. – Присаживайся...

Начальник штаба так же быстро, как дверь, открыл сейф и убрал туда документы, которые принес с собой. И только после этого шумно перевел дыхание и сел в свое кресло. Пару секунд смотрел словно бы сквозь старшего лейтенанта, собираясь с мыслями.

– Ты у нас родом, кажется, из Челубеевска?

– Так точно, оттуда.

– Давно дома не бывал?

– У меня там, товарищ майор, дома уже нет. Я после окончания школы в другой город переехал. Отца по службе перевели.

– Тобой вот очень интересуется Сергей Александрович Макоев. Знаешь такого?

– Сережа? Как не знать, товарищ детства. Из одной компании. Давненько не встречались.

– Сергей Александрович сейчас капитан областного управления ФСБ в Челубеевске.

– Рад за него. И в звании меня обошел. И за это тоже рад.

– Ну, мы не ФСБ, у нас звания сам знаешь как дают, если у самого командующего должность полковничья... – Майор не сумел сдержать вздоха сожаления. – Но очередное звание и новая должность тебе светят уже вскоре. Был запрос из управления кадров, переведут тебя «на роту» в другую бригаду. В какую, пока не скажу, чтобы не настраивать, потому что это не точно.

– Я в курсе, товарищ майор. Мне комбат говорил. А что Макоеву нужно? Мы его, кстати, в школе звали Макиавелли. Хитрый очень. И службу по себе, наверное, нашел. Думаю, с ним осторожнее надо.

– Он тебе сам все объяснит.

– Он звонил?

– Нет, шифротелеграмма пришла. Он сегодня к вечеру прилетит. Если есть желание, можешь встретить его в аэропорту. Я прикажу выделить машину.

– Я могу на своей. Привычнее... И у себя его устрою. У меня жена в больнице лежит.

– Что с ней?

– С ней все в порядке. Дочка приболела. Она с дочкой.

– Наверное, не вовремя... Ну да ладно. Я не буду торопить события. Короче говоря, твой друг Макиавелли просит временно откомандировать тебя в распоряжение их управления. На время конкретной операции. Мы с командиром возражать не будем, если ты сам проявишь желание. И настаивать мы ни на чем не будем. Если сможешь помочь – помоги.

– А суть в чем, товарищ майор? Почему именно офицера спецназа ГРУ? У них что, своих спецназовцев не хватает?

– Капитан Маковеев все тебе сам объяснит. Признаться, я не очень понял из «шифровки». Но меня в курсе дела тоже держи. Когда самолет прилетает, ты знаешь...

– Позвоню в аэропорт. Это не сложно.

– Вот и хорошо. По этому вопросу у меня все. Переходим к следующему. О предстоящем переводе тебе известно. Если согласишься на командировку, «на взвод» возвращаться скорее всего не будешь. Значит, готовься к передаче взвода.

– Кому, товарищ майор, передавать?

– Завтра утром поездом прибывает лейтенант Симонов. После училища парень. Без опыта. Поэтому будь с ним аккуратен и введи в курс дел. Характеристики у лейтенанта хорошие, но ты сам знаешь, как характеристики пишутся. Присмотрись, что за человек.

– Понял, товарищ майор.

– Как только придет, я сразу к тебе пошлю. Ты его в общежитие сам отведешь. Пока ты здесь, будешь его наставником. И не сильно угнетай.

– Понял. Чуть-чуть он опоздал.

– В смысле?

– Сегодня бы его. Мы сегодня на тридцать километров гоняли. Марш-бросок всегда показывает, что за человек. Было бы первое испытание.

– Приедет, сгоняй с ним на двадцать. Если время позволит. А то твой Макиавелли, чувствую, пожелает сразу тебя захватить.

– Посмотрим...

* * *

Перед тем как встретить товарища детства, Ратилов съездил навестил жену с дочерью, а затем отправился в аэропорт. Ближе к вечеру жара была уже не такой изнуряющей, да и на открытых пространствах аэропорта свободно гулял ветерок, и жизнь уже не казалась такой утомительной.

Ждать самолета долго не пришлось. Когда Ратилов входил в здание терминала, как раз объявили, что совершил посадку самолет из Челубеевска. И можно было смело идти к пассажирскому выходу, находящемуся в отдельном здании справа...

* * *

В холодильнике стояла бутылка водки. Но пить ее в такую погоду не хотелось даже холодную, так что Сергей Александрович решил только на чай.

– Я уже завтра должен в Москву лететь, поэтому давай лучше делами займемся, – предложил Макиавелли. – Времени у нас мало. А разговор может получиться долгим. Если получится...

– Давай займемся делами. Я готов тебя выслушать, – сдержанно ответил Ратилов, сам еще не решивший, стоит ему связываться с ФСБ или нет. – Начальник штаба из твоей телеграммы ничего не понял и потому меня путать не стал. Выкладывай сам.

– Выкладывать в принципе не много. Но обсудить кое-что придется, если ты, конечно, согласишься. Детали, подробности, линию поведения, возможности... Много всего и всякого.

– Я слушаю.

– Начну с начала. Несколько месяцев назад в Челубеевске объявилась некая странная организация под названием ЗАО «Вальгалла. Экстремальная школа для настоящих мужчин». Клуб не клуб, спортивная секция не спортивная секция. Якобы школа выживания, школа испы-

тания характера и физических возможностей, школа испытания себя в экстремальных условиях. Школа провела два набора, сейчас готовится к третьему. Каждый, кто туда попадает, сначала проходит курс обучения выживанию в экстремальных обстоятельствах, очень мощный и жесткий психологический тренинг и не менее жесткую физическую тренировку – и в завершение, в качестве второго курса, по желанию, естественно, проходит испытания, как они это называют, в полевых условиях. Своего рода «гонка на выживание», в результате которой единственный из всех оставшийся получает приз в миллион рублей при условии трудоустройства по адресу, указанному школой. Еще пять человек, последние из тех, кто остается в «гонке», тоже трудоустраиваются. Куда, неизвестно. Кто и какую работу предоставляет, тоже неизвестно.

– Нормальная система подготовки, – оценил старший лейтенант Ратилов. – Может быть, даже похоже на систему подготовки солдат в спецназе ГРУ. Могу только одобрить существование этой школы.

Капитан Макоев вздохнул.

– С тобой трудно не согласиться. Но у нас есть данные, что в школе «Вальгалла» готовят не просто крутых мужиков. В городе резко обострилась криминогенная обстановка. Выросло число преступлений, и особенно на националистической почве. И практически все громкие уголовные дела остаются нераскрытыми. Несколько косвенных улик указывают на «Вальгаллу». Мы пытались выяснить, но никто из выпускников школы на откровенность идти не захотел. Есть подозрение на жесткое кодирование всех обучающихся, кроме тех, кто отсеялся на раннем этапе. Отсев там большой. Не выдерживают больше половины, хотя обучение платное и деньги возврату не подлежат. Те, кто вышел из игры, говорят, что над ними просто издевались и заставляли все это терпеть. Но они знают слишком мало. Они не знают даже ничего конкретного об организаторах «Вальгаллы». Только какие-то клички, и все. Административное оформление велось на подставных лиц, которые тоже мало что могут сказать, да и откровенничать, кажется, не желают. Организаторам школы стало известно о нашем интересе к «Вальгалле». И был случай, когда один из их парней, что называется, «восстал», пошел вроде бы с нами на контакт, а потом бесследно исчез и по сей день находится в розыске. И в дальнейшем каждое наше мероприятие против «Вальгаллы» становится там известно заранее. Должно быть, в нашем управлении работает информированный «крот». Именно информированный. То есть не простой оперативник, который дальше дел своего отдела ничего знать не может. Так, мы засылали к ним на обучение нашего капитана, моего коллегу. Он тоже пропал бесследно после первых же занятий. Причем на «Вальгаллу» тень упасть никак не могла, потому что пропал он из своей квартиры. Вышел в подъезд в спортивном костюме, хотел проверить почтовый ящик. И все. Больше нашего капитана не видели. Причем мы знаем, что пропасть он мог только потому, что связался с «Вальгаллой». Но ничего доказать не можем. Потому как нет следов. И еще два курсанта из этой школы пропали. Тоже следов не было. Чуть позже мы организовывали несколько финансовых проверок через налоговую инспекцию. Придаться не к чему, прикрыть их официально не за что. Привлечь к ответственности организаторов – тем более. А по городу разговоры идут. Шепотом, понятно. Обстановка нездоровая...

– Я примерно понял, что от меня требуется, – кивнул Ратилов.

– От тебя, если ты согласишься, требуется поступить в школу, понять, насколько это опасная вещь или, наоборот, полезная, и, если опасная, добыть доказательства вины организаторов. Это задача номер один. Ты согласен помочь?

– Согласен. А задача номер два?

– Напрямую связана с первой. «Вальгалла» несет значительные затраты. Кто-то их финансирует. И мы никак не можем узнать кто. Откуда получают средства, каким образом, наличными или безналичными. Как финансовые потоки реализуются. Конечно, чтобы это определить, следует иметь финансовую грамотность. Тебе самому понять это будет сложно. Поэтому станешь докладывать специалисту в одностороннем порядке. Он сможет выходить с

тобой на связь только в случае крайней необходимости или для отдельного поручения. Согласен?

– Согласен.

– Тогда будем обсуждать детали...

– Будем обсуждать. Первая деталь: если я выиграю в «гонке на выживание» и получу миллион... Он мне достанется, или я буду вынужден его вернуть?

– Тебе очень нужен миллион?

– Мне нужно чуть меньше двух миллионов.

– Для чего?

– У меня дочь болеет. Деньги нужны на ее лечение за границей. Это стоимость лечения.

Но ты не ответил.

– А кто у тебя может его забрать? Заработаешь – он твой...

– Значит, я уже согласен.

Часть I

Глава 1

1

За столом сидели четыре человека. Двое рядом друг с другом, напротив входной двери, двое с торцов – облокотившись о столешницу, прикрытую зеленым толстым сукном, на одном из углов испачканным мелом, отчего создавалось впечатление, будто это сукно содрано с бильярдного стола и на скорую руку подшито по краям.

Все четверо смотрели если не недобро, то сурово, с легким пренебрежением к тем, кто по одному заходил в кабинет. Вопросы задавались одинаковые и скучные, и ответы, кажется, спрашивающих мало волновали. А люди заходили разные и внешне, и по возрасту, и по характеру, и эти четверо давали им оценку по какому-то своему, индивидуальному принципу. Перед каждым лежал предварительный список будущих курсантов «Вальгаллы». И каждый делал против конкретных фамилий понятные только ему одному пометки...

* * *

Будущие курсанты расположились в приемной, более тесной, чем сам кабинет, и потому несколько человек даже оставались в коридоре. Дверь в приемную была распахнута. Количество желающих испытать себя не уменьшалось, потому что после знакомства предстояло пройти общее собеседование, называемое вводной лекцией. Там же, в приемной, сидела девушка, бухгалтер «Вальгаллы». Именно ей каждый платил по десять тысяч рублей и получал корешок приходного ордера, который подкалывал к своему заявлению. Хотя корешки бухгалтерского документа уже получили все, девушка не уходила, вяло отвечая на скользкие комплименты или же не отвечая вовсе. Возврат денег, как оговаривалось сразу, возможен только в течение сегодняшнего дня после вводной лекции. Если кто-то передумает, если кто-то не решится – хотя все пришли сюда именно после серьезного решения, – он может обратиться к бухгалтеру. На следующий день, когда начнутся настоящие занятия, тем, кто не выдержит даже первого дня серьезных нагрузок, вернуть деньги уже не удастся. С этим условием были ознакомлены под расписку все. А расписка – это уже финансовый документ, который даже в суде оспорить невозможно.

Обычно люди, собравшиеся в одной компании, легко знакомятся друг с другом. Тем более если им предстоит провести вместе довольно длительный срок, вместе учиться, помогать друг другу и друг с другом соперничать. Но, очевидно, дух соперничества уже витал в воздухе. И курсанты друг на друга с особым дружелюбием не поглядывали...

* * *

Старший лейтенант Ратилов в списке, составленном по мере подачи заявлений, а не в алфавитном порядке, стоял одним из последних, потому что пришел на регистрацию в последний допустимый день. А вызывали в кабинет в соответствии с этим списком, и потому у Станислава было время присмотреться к тем, с кем ему предстояло и учиться, и соперничать. Естественно, в списке он значился вовсе не старшим лейтенантом, а простым безработным, как,

впрочем, и большинство из присутствующих. Кем они являлись в действительности, сказать было трудно. Многих вообще можно было отнести к бандитам – по крайней мере, внешне и по манере поведения. Это вызывало не слишком приятные ощущения. Но он приехал в Челубеевск не свои ощущения проверять, а делать работу, и потому отнесся к окружающим вполне равнодушно.

Но старший лейтенант сразу убедился, что неправильно понял ситуацию еще при рассказе Макиавелли. Сам Станислав видел пользу в подобных организациях, но в том случае, если они будут воспитывать тех, кому действительно не хватает мужского характера. Здесь же собрались люди, у которых подобный характер был. Каждый смотрел жестко, каждый давал оценку себе и стоящим рядом, каждый отличался самоуверенностью и сильным характером. Этих воспитывать не нужно. Эти сами кого угодно могут воспитать и сломать. Такой вывод можно сделать, только глядя на упрямо насупленные брови и крепкие руки большинства курсантов. Сам Ратилов, не отличающийся богатырской фигурой, проигрывал почти всем. Тогда зачем они сюда пришли? Что понадобилось им в «Вальгалле»? И по возрасту большинство, похоже, только на год-два моложе самого Станислава. Поздно уже к армии готовиться. Тогда что им нужно? Этот вопрос еще стоило понять и разрешить. Пока же было ясно только одно: «Вальгалла» – не школа для малолеток, какой она представлялась изначально.

Случайно Ратилов подслушал обрывок разговора двух парней.

– Я до конца пойду... И дойду, – сказал один.

– Давай, давай... – насмешливо заметил второй. – А миллион все равно мне достанется.

– Посмотрим, кому достанется. Мы и таких тоже ломали...

– Главное, чтобы нас до этого не сломали. – Второй был более рассудительным и видел минусы там, где первому грезились только плюсы. – Слышал я, здесь многие до миллиона не доживают...

– Ты бабушке своей это рассказывай. Может, напугаешь... А я до конца дойду.

Этот разговор уже что-то подсказал. Наверное, кто-то пришел в надежде заработать миллион. Но, конечно, не все. У других могут быть и свои цели. И, чтобы понять ситуацию, требовалось и эти цели узнать и оценить.

– Ратилов... – донесся голос из переговорного устройства системы «шеф – секретарь», что стояло на столе перед бухгалтером.

Точно так же вызывали и остальных. Значит, дошла очередь.

И Станислав шагнул к двери...

* * *

– Ты у нас иногородний... – глядя в свои бумаги, сказал человек из-за стола, сразу показывая, что на вежливое обращение курсантам рассчитывать не приходится. Но это, видимо, была просто такая манера разговаривать – грубовато-добродушная. – И какими же ветрами?..

– Я родом отсюда. Девять лет назад уехал. Отца по службе перевели, как только я школу окончил.

– Сейчас тебе... Двадцать семь?

– Через полгода будет. Пока еще двадцать шесть.

– Стало быть, имеется вернуться намерение?

Этот вопрос был сказан скороговоркой, и задал его человек мимоходом, словно ответ его мало интересовал.

– Намерение есть.

– Понятно. Отец где служил?

Спрашивающий пока относился к старшему лейтенанту только как к одному из общего потока. И это естественное отношение. Охватить взглядом сразу всех и увидеть при этом не толпу, а личности, невозможно.

– Военный. Танкист.

– По стопам отца идти не захотел?

– Хотел, но у меня с математикой всегда было плохо. На экзамене в училище не прошел.

– И отец помочь не сумел?

– Я не захотел.

– А потом чем занимался?

– Последнее место работы? – добавил свой вопрос второй, сидящий у торца стола.

– В армии служил. Контрактник. Контракт кончился три месяца назад, надо устраиваться.

– Служивый, это хорошо... В каких частях?

– Спецназ ГРУ.

– Солидно, – баском усмехнулся третий. – Я в спецназе ВДВ служил. Старшим прапорщиком. Нас пугали вашей подготовкой. Говорили, что никто так терпеть не может, как вы.

– Правильно пугали, – согласился Ратилов. – Нас тоже пугали. А мы терпели. Потом привыкли и пугаться перестали.

– Воевал?

– Северный Кавказ...

– Чечня?

– И Чечня, и Ингушетия, и Дагестан.

– Хорошо. По национальности-то ты кто?

– Русский.

– И это тоже хорошо. Награды есть?

– Медаль «За боевые заслуги».

– Значит, там терпел, будешь теперь здесь терпеть? У нас терпеть придется больше, чем в спецназе, учти...

– Буду терпеть, – мрачно подтвердил старший лейтенант.

– А для чего тебе это нужно? Ну, приходят тут разные крутые – себя испытать. Или экстремалы, которым сдуру острых ощущений хочется и денег не жалко. А ты-то уже испытан. После Северного Кавказа куда еще лезть!

– Мне миллион нужен, – еще более мрачно объяснил Ратилов. – Миллиона мне мало, но хотя бы миллион... Это тоже что-то. Больше я нигде столько заработать не смогу. И нужна работа. Хорошо оплачиваемая...

– Зачем тебе сразу миллион?

– У меня ребенок болеет. Мне нужны деньги на лечение. И я их получу.

– Упрямый? – с какой-то даже угрозой в голосе спросил четвертый, глядя из под густых бровей. – Упрямых мы здесь уже видывали...

– Упертый. Так будет точнее. – Старший лейтенант отвечал без улыбки и уверенно, опустив при этом голову, словно бы показывая характер. – Если я чего-то очень хочу, я упираюсь, и меня трудно свернуть с пути. Но мне нужна мотивация. В данном случае она у меня есть.

– Что же ты, такой упертый, не сумел в военное училище поступить? – спросил первый.

– По той же причине. Там у меня мотивации не было. Отцу хотелось, а мне не очень. Я больше гуманитарий, чем военный. Я и сейчас учусь заочно на историческом в университете.

– Гуманитарии обычно в коленках слабы, – заметил третий.

– Не жалуюсь на коленки. Твердо стою.

– Из всего нынешнего набора ты по весу самый легкий. Тебя от миллиона быстро ототрут...

– Это делать я сам умею.

– Ладно. За свои деньги лезешь. Нам это не столь важно. Как узнал о «Вальгалле»? Кто-то посоветовал?

– Да. Друг детства рассказал. Он сам хотел, но у него с финансами туго. Не потянул.

Друг детства в данном случае существовал в действительности и при необходимости готов был подтвердить сказанное. Об этом позаботился капитан Макоев. И друг этот, как был уверен Ратилов, человек надежный, ни с какими силовыми ведомствами контакта не поддерживающий, и потому не может вызвать опасения.

– Хорошо иметь друзей, дающих дельные советы. Значит, ты со всеми условиями согласен? Документы подписал?

– Я согласен со всеми условиями. И документы подписал.

– Тогда до «вводной лекции» свободен.

Старший лейтенант едва сдержал себя, чтобы не развернуться по уставному. Он даже движение такое начал, но затормозил и развернулся обычным образом, как разворачиваются гражданские люди. И вышел. И уже в приемной услышал, как в кабинет вызывают следующего курсанта. Кажется, предпоследнего или последнего. Всего в списке было сорок два человека...

* * *

При подготовке к «выводу» предстоящий обязательный разговор в приемной комиссии обсуждался особенно тщательно. Предполагалось, что уже этот разговор может стать основательной проверкой курсанта «на вшивость».

Понятно было, что если в «Вальгалле» не все чисто в отношении закона, то к иногороднему обязательно будут присматриваться особенно внимательно, поскольку иногороднего труднее проверить и в «Вальгаллу» будут «вводить» агента предположительно именно так. То есть после двух провалов так выводить легче и надежнее. Но все прошло на удивление гладко и без какого бы то ни было напряжения.

«Вводная лекция» должна была состояться в актовом зале, куда всех повела бухгалтерша. Хотя актовым этот зал назвать было сложно. Просто большая комната с несколькими рядами стульев, выставленных в длину со стороны внутренней стены. И один письменный стол, тоже покрытый зеленым сукном, поставленный у одного из широких окон. Станислав сразу оценил расстановку в этом так называемом зале. Слушатели будут сидеть лицом к свету, а говорящий – затылком. Следовательно, человек, проводящий «вводную лекцию», будет видеть все обращенные к нему лица, сам оставаясь в тени. Это уже явная расстановка сил для осуществления контроля. Должно быть, в школе «Вальгалла» преподаватели опытные и свое дело знают. Уже с первой лекции началась невидимая психологическая обработка курсантов.

Что же будет дальше?

Чтобы контролировать ситуацию и держать под присмотром всю комнату, Станислав сразу занял место в последнем ряду и даже слегка отодвинул свой стул к стенке, чтобы не оставлять за спиной прохода. Это была привычка спецназовца – не оставлять кого-то за спиной. Глядя на него, точно так же поступили еще несколько человек. Проход за спинами оказался перекрытым. И вообще большинство курсантов старалось сесть на задние ряды. Это тоже было определяющим фактором, показывающим, по большому счету, неуверенность людей в себе и их нежелание брать на себя роль лидера, а вовсе не природную скромность. Скромность здесь никто, кстати, не демонстрировал. А наоборот, большинство старалось демонстрировать чуть ли не развязность и самоуверенность. Но уже одно желание сесть на задний ряд говорило о том, что в действительности эти люди видят себя ущербными и показная наглость является не чем иным, как самозащитой от наглости других.

2

Станислав смотрел в чужие затылки, стараясь определить, что за люди пришли сюда и что они надеются здесь получить, когда дверь открылась и в комнату шагнули двое из тех, что входили в приемную комиссию. Первым неторопливо вышагивал тот, что начинал разговор с Ратиловым, грубовато-добродушный и самодовольный, с уверенной походкой слегка вразвалку, как ходят борцы-тяжеловесы; вторым – густобровый с угрюмым взглядом, что на собеседовании задал только один вопрос про упрямство, и задал его очень недобрым тоном. Этот в походке был легче, но чувствовалась в человеке, в его непомерно длинных, почти до колен достающих руках какая-то чудовищная, взрывная, очень нервная сила, вполне сочетающаяся, как ни странно, с внешним спокойствием. При всем том, что первый выглядел человеком очень сильным, второй казался более опасным. Хотя давать оценку опасности было еще рано. Еще, по сути дела, не было известно ничего, что помогло бы выдвинуть против «Вальгаллы» и ее организаторов какие-то обвинения, кроме косвенных подозрений, высказанных Макиавелли в первую встречу.

Пришедшие уселись за стол и не очень внимательно осмотрели собравшихся, которые сразу как-то притихли, хотя и раньше не слишком шумели, потому что разговаривать друг с другом особо не рвались. Ратилов включил в рукаве чуткий цифровой диктофон, входящий в профессиональное оснащение разведчика.

Осмотрев всех, первый поднялся, хмыкнул под нос и сказал:

– Начнем, парни, с представления. Я – президент школы «Вальгалла». Можете звать меня Максимычем, я к такому обращению привык. По званию я полковник. Кому нужно будет, познакомимся ближе. Кое-чему и я вас буду учить, но начальником нынешнего вашего курса будет отставной майор милиции, бывший командир городского СОБРа, которого вы будете звать майором Базукой. Другого имени для вас он не имеет. Но для начала я объясню не слишком грамотным, что такое «Вальгалла». С первым курсом мы хотели обойтись без этого объяснения, но потом возникали вопросы, на которые приходилось отвечать. Я говорю не только про нашу школу, носящую это имя, но и про настоящую Вальгаллу. Итак, что это такое? Если просто, то это посмертный мир в скандинавской мифологии. Мир, куда уходили только воины, достойные почета, погибшие с мечом в руке; воины, не ведающие страха и сомнения и предпочитающие смерть позору. То есть Вальгалла – это место, куда попадают лишь достойные. Наша школа, «Вальгалла», и предназначена для того, чтобы воспитывать достойных мужчин. Воинов сильных и бесстрашных, которых в нашем обществе в настоящее время дефицит. Вот в принципе и все. А теперь прошу вас выслушать майора Базуку. И помните, что сегодня, после «вводной лекции», у вас еще есть возможность забрать заявление и деньги, которые вы заплатили за обучение. Завтра у вас этой возможности уже не будет. Базука, прошу...

Максимыч откинулся на спинку стула и слегка насмешливо оглядел присутствующих. Он, как показалось Ратилову, настолько презирал всех этих курсантов, что без насмешки уже смотреть на них не мог.

Но если президент школы говорил сидя, находя в этом удобство для себя, то майор Базука встал и до того, как произнести первые слова, прогулялся перед первым рядом стульев, словно собирался с мыслями. И только потом оглядел всех мрачными и умными, как показалось старшему лейтенанту Ратилову, глазами. Но даже эти глаза увидеть было сложно, потому что приходилось напрягать зрение, всматриваясь против направления света в неосвещенное лицо. Все происходило точно так, как Станислав и предполагал. Майор Базука заставлял курсантов направлять внимание и тратить энергию на то, чтобы всматриваться. При этом терялась их способность сопротивляться открытому внушению. Хотя внушение еще не должно быть

мощным и активным. Время пока не подошло. Но оно, как чувствовалось по напору, с которым майор Базука начал говорить, должно подойти стремительно.

– Зачем вы все пришли сюда? – спросил Базука неожиданно резко и грубо. И выдержал театральную паузу, словно ответа ждал. – Зачем, я вас спрашиваю?

Сразу почувствовалось, что говорить он умеет, и риторический вопрос звучал внушительно, как сильное начало, вокруг которого все остальное и должно развиваться. Своего рода опора для всей будущей лекции, ее крепкий бетонированный фундамент. И уже следующие слова доказали правоту этого ощущения.

– Не знаю, обратили ли вы внимание на один вопрос, который задавался всем вам... Скорее всего, нет, потому что... – Теперь он резко сменил тон и стал говорить так тихо, что приходилось напрягать слух. Ратилов увидел, как у многих вытянулись шеи. Люди сдвигались головами ближе к звуку. Это еще один прием, заставляющий людей раскрывать защиту подсознания и активнее впитывать в себя слова, которые воспринимались с напряжением, и именно потому воспринимались лучше. – Потому что вы заходили по одному и знаете только то, о чем спрашивали именно вас. А спрашивали вас о национальности... Это важно, однако об этом поговорим позже. Пока же я вернусь к первым своим словам, к первому вопросу, на который сам и постараюсь ответить, потому что вы, возможно, и не сможете дать ответ. Скорее всего не сможете дать, потому что не умеете признаваться даже себе. Итак, зачем вы пришли сюда? Это ваше подсознание знает, но вы еще не можете сами все осознать правильно. Но я скажу предельно честно, чтобы вы задумались, поняли и согласились. Вы пришли сюда потому, что в глубине души вы, несмотря на весь ваш внешний антураж сильных людей, на объемные бицепсы и демонстративную наглость, просто трусы. Самые обыкновенные трусы...

Длительная пауза вызвала шевеление, но никто не возразил. Или все согласились, или не посчитали нужным прерывать такое необычное начало лекции. Однако все, похоже, задумались.

– Именно так, и никак иначе, – продолжил Базука. – Вы – трусы, сознайтесь в этом хотя бы самим себе, если не хотите признаваться в этом публично. Нам это и не нужно, мы и без того знаем, что вы таковы. Вы боитесь. И я знаю, что вы пришли сюда, чтобы избавиться от своего страха. Интуитивно, сами себе не сознаваясь, вы пришли именно для этого. И мы ставим себе именно такую цель – помочь вам побороть свою трусость и стать настоящими мужчинами, которыми вы на настоящий момент не являетесь. И мы умеем это делать. И сделаем. Но вы должны обратить внимание на слова, которые я только что сказал. Наша цель – именно помочь вам... Не сделать из вас настоящих мужчин – нет, делать себя вы будете сами, потому что насильно сотворить мужской характер невозможно. Мы вам только поможем, если у вас есть такая необходимость. Мы поможем вам приобрести характер и выработаем у вас соответствующие навыки, способные сделать вас победителем в любой ситуации. Сделать вас людьми, достойными по большому счету пировать у костра в Вальгалле среди других достойных воинов.

Последние фразы майор Базука опять произносил громко и напористо, категорично утверждая сказанное еще и тоном. Но сразу после этого опять перешел на речь полупрошепотом, так что присутствующим пришлось напрягать слух.

– А нужно ли это современному человеку? Может быть, вам следовало бы пойти на курсы компьютерщиков? Может быть, у вас нет потребности в силе и отваге и вам хватит только умения стучать по клавиатуре, посасывая из бутылки пиво? Все может быть... Если у вас только такая потребность, через одно-два занятия мы с вами расстанемся. Это я знаю точно. А чуть позже расстанемся и с другими. Сил, я думаю, у вас у всех хватит. Вы все ребята крепкие. И мы не даем нагрузок больше, чем может выдержать человеческий организм. Тяжелые нагрузки, да, но выдержать их можно. А вот духа у многих не хватит. До последнего занятия дойдет не больше половины. И уходящие будут искать для себя оправдание. Кто-то повредил руку, кто-то ногу, у кого-то спина заболит – старая спортивная травма. Случится это, обязательно слу-

чится, будет все болеть. Но я скажу, что в первом выпуске у нас был парень, который ни на что не жаловался. Он, кстати, и заработал миллион на втором курсе. Так вот, когда он уже получал миллион, оказалось, что у него сломана рука. Сломал ее на одном из первых занятий. И терпел. Даже гипс накладывать не желал. И вообще к врачам не обращался. Вот так же терпеть должны научиться и вы. Мы здраво смотрим на вещи и понимаем, что это дано не всякому. И знаем, что половина отсеется. Эта половина согласится со своей трусостью и даст трусости уговорить себя отказаться от борьбы. И обязательно будет уважительная причина. А те, кто останется, они другому научатся. И именно они будут хозяевами своей жизни, а не компьютерщиками. Они будут управлять и собой, и людьми, а компьютерщикам будет какой-нибудь инородец показывать пальцем и приказывать, что следует делать. Это к вопросу о том, что больше нужно современному человеку – крепкий характер и не менее крепкий кулак или умение работать в Интернете. Я понимаю, что хорошо бы уметь и то, и другое. Так будет намного лучше. Но второе без первого просуществовать не может, а первое без второго может.

Поэтому-то вы и стоите перед выбором. Вы, которых я назвал трусами. И назвал вас правильно. Потому что жизнь наша такой стала, что уже никак нельзя обходиться без решительности и силы. Не только Россия. Вся насквозь прогнившая Европа уже с этим столкнулась. Европейцы больше не хозяева на земле своих предков. Помните, несколько лет назад весь Париж будоражили тысячи выходцев из Азии, с Ближнего Востока и из Африки; били витрины, жгли машины... В более скромных масштабах это повторяется каждый год. А социологи предсказывают, что через пять-восемь лет количество избирателей из числа бывших эмигрантов из слаборазвитых стран превысит количество избирателей-французов. Тогда уже их будет власть, и они станут править страной. То же самое происходит в Англии и Германии, в других странах. А что у нас делается? Мне это вам объяснять не надо. Вы сами каждый день видите в наших городах засилье кавказцев, таджиков и китайцев. А исследования социологов говорят, что эта тенденция имеет свойство расширяться и в ближайшие годы обретет лавинообразный характер. Их все больше... И ведут они себя с каждым днем все агрессивнее и агрессивнее, они хотят нас заставить жить так, как сами привыкли жить, они хотят диктовать нам свою волю. Я сам жил во времена Советского Союза в Средней Азии. И хорошо помню фразу, которую слышал частенько. Если что-то было им не по нутру, они сразу говорили: «Иды на свой Рассий». Это еще тогда, когда они кормились за счет России. А когда Россия от них откололась, они в нее бегут, чтобы снова кормиться. Бегут толпами, жадные и хищные, чтобы урвать кусок побольше, ничем не брезгуют. И с ними трудно бороться. И устоит только тот, кто сможет за себя постоять и дать достойный отпор. Вы, может быть, не осознаете еще, что именно демографическая ситуация толкнула вас на желание прийти на занятия в «Вальгаллу». Я просто открываю вам, идущим на ощупь, глаза.

Майор Базука говорил, часто меняя интонацию. Речь его выглядела то пафосной, напористой, то он почти шептал, как заговорщик. Ратилов не услышал ни единого прокола в этой речи. Базука ни к чему не призывал, кроме обыденных вещей – предлагал курсантам обрести силу духа и научиться защищать себя. Квалифицировать сказанное как национализм пока было никак нельзя, потому что он не призывал к каким-либо решительным действиям.

– Еще обращаю ваше внимание на одну немаловажную вещь. Мы ставим вас всех в условия жесткой конкуренции. На конечном этапе только одному достанется приз в миллион рублей. И вы должны будете конкурировать друг с другом. Этого мы добиваемся умышленно. Однако вы все многократно убеждались на примере с приезжими с Кавказа: если свяжешься с одним, ему на помощь спешат другие, даже не зная его. Но тот, кто глубже знаком с кавказским менталитетом, тому хорошо известно, что у всех этих народов идет мощная внутренняя борьба за власть. Они рвутся к власти, чтобы потом унижать тех, кто слабее. Не по-мужски это. Но они такие от природы. У них в характере борьба за первенство. И при этом всегда один другого поддерживает. Вам тоже следует уметь налаживать друг с другом отношения и следует всегда

поддерживать друг друга. Курсанту нужно не только поддерживать курсанта, но и просто на улице поддерживать соотечественника. Только так мы сможем быть все вместе сильны. И при этом личная конкуренция остается конкуренцией. Это нужно совмещать...

Лекция закончилась. Базука сел сбоку от стола. Станислав выключил диктофон. Запись впоследствии проанализируют специалисты по лингвистике и по праву и дадут заключение, насколько задействованы в словах майора элементы внушения и нарушает ли он закон...

* * *

Первый день в «Вальгалле» завершился буднично и без осложнений. Бухгалтерша так же сидела на своем месте, но не нашлось никого, кто пожелал бы забрать документы и деньги и отказаться от намерения получить здесь морально-боевое образование. Более того, вроде бы без яркого внешнего проявления, но «вводная лекция» произвела на всех сильное впечатление, о чем говорили лица курсантов – у кого-то задумчивое, у кого-то решительное, в зависимости от степени природной эмпатии. Да и сам Станислав на себе ощутил умение майора Базуки влиять на слушателей. Хотелось сопротивляться нашествию иноплеменников. Но, осознав свои внутренние ощущения и проанализировав их, старший лейтенант без проблем взял себя в руки, хотя полностью выбросить из головы услышанное было сложно. Но он имел определенную психологическую подготовку. А каково же было тем, кто такой подготовки не имел?..

А самое главное – что с ними будет позже, когда эти лекции, вводные и курсовые, станут постоянными? В принципе это могло превратиться в большую беду.

* * *

Здание, в котором обосновалась школа «Вальгалла», было двухэтажным, обычным для построек пятидесятых годов прошлого века, без затей и украшательств, с высоким забором из профилированного стального настила, окаймляющим двор по периметру. Окна на улицу не выходили, только во двор. Ворота, калитка у ворот и будка охранника рядом с калиткой. Сам охранник стоял в дверном проеме и смотрел, как из здания выходят курсанты. После лекции они уже не казались такими разобщенными и разговаривали друг с другом больше; как-то сами собой образовывались кучки, в которых что-то обсуждалось. С Ратиловым, впрочем, никто не заговаривал, а сам он ни к кому с разговорами не лез, потому что оценивал взглядом территорию. И сразу отметил, что на окнах, как и на двери, нет сигнализации, нет видеокамер наблюдения – по крайней мере открытых, хотя при нынешнем уровне техники несложно поставить и скрытые камеры. Получил оценку и охранник: скорее всего выпускник одного из предыдущих курсов. Станислав сам не понял, как пришел к такому выводу, но вывод подтвердился сам собой. И это при правильности ощущений было бы одним из решений стоящих перед старшим лейтенантом задач – определить, что за трудоустройство предлагают курсантам после окончания обучения.

Выяснить вопрос было не так и сложно.

– Ты со второго курса? – спросил Ратилов охранника, проходя мимо.

– С первого, – машинально ответил тот.

– Ну и как?

– Нормально...

Видимо, разговаривать с новичками охраннику было запрещено, он поздно хватился и, чтобы не продолжать разговор, круто развернулся и шагнул в свою будку. Станислав успел прочесть на его спине надпись: «Охранное предприятие «Тор». С мифологией древних скандинавов, если уж пришлось с ней столкнуться в образе «Вальгаллы», Ратилов подробно познакомился накануне операции. Он хорошо помнил, что могучий Тор был старшим сыном верхов-

ного бога скандинавского пантеона Одина. И еще пришлось убедиться, что сами организаторы школы, если охранный предприятие «Тор» имеет к ним отношение, эту мифологию знают плохо. Тор слишком мало подходил к роли охранника. Он был могуч и бесстрашен, но совершенно безрассуден. Следовательно, охранник из него получился бы никакой. И если местные охранники сильно уважают Тора, то работать против них, как решил Ратилов, можно с превеликим удовольствием.

Во дворе, сразу за будкой, стояли два черных внедорожника «Тойота Лендкрузер». Когда Станислав пришел сюда, машин было три. Он еще тогда запомнил номера, сейчас себя проверил. Машины те самые, только одна уехала. Логичным было предположить, что принадлежат они руководству школы «Вальгалла» – Максимычу и Базуке. Выйдя за ворота, Ратилов увидел и третью машину. Стекла у внедорожника были тонированы только на задних дверцах, и с близкого расстояния он заметил за рулем и на правом пассажирском сиденье еще двух членов приемной комиссии, которые на «вводной лекции» не присутствовали. Но, видимо, они тоже будут что-то преподавать.

Оглянувшись и осмотревшись, Станислав пошел к трамвайной остановке. Ехать ему было недалеко, всего две остановки. Можно было бы и пешком добраться, однако в такую жару промышленный город к прогулкам не располагал. Официально старший лейтенант снял квартиру у товарища детства. В действительности этот товарищ вместе с семьей каждое лето живет в деревне, и Макиавелли без труда удалось уговорить его предоставить квартиру на какое-то время Станиславу. В дополнение существовала еще одна квартира. Эта принадлежала даже не местному управлению ФСБ, поскольку об использовании служебной квартиры мог бы узнать «крот», а расположенному в городе разведцентру ГРУ. И даже сам капитан Маковеев не предполагал, что у его товарища детства есть запасное жилье, про которое даже он ничего не знает. Там, на той квартире, старший лейтенант оставил кое-что из спецтехники, которая может пригодиться ему в ходе операции. Спецтехника тоже была выделена со складов ГРУ, а не ФСБ, поскольку все любят собственное оружие. Но на той квартире появляться разрешено было только в случае крайней необходимости. Например, если бы пришлось залечь на дно. А такой вариант развития событий тоже полностью исключить было нельзя.

Трамвай был почти пустой, но садиться в душном вагоне не хотелось, и Станислав встал неподалеку от задней площадки второго вагона, взялся за неприятно теплый поручень и нечаянно посмотрел через плечо. На улице было мало транспорта, и потому черный внедорожник «Тойота Лендкрузер», что ехал позади двух других машин на неприлично низкой для себя скорости, сразу бросился в глаза. Стекла бликовали на закатном солнце, вследствие чего невозможно было различить ни водителя, ни пассажиров. Единственное, что удалось рассмотреть, – пассажир на переднем пассажирском сиденье, обернувшись, что-то говорит сидящему сзади него человеку. Машина была похожа на те, что он только что видел во дворе «Вальгаллы». Но номер «Лендкрузера» Ратилов рассмотреть не мог из-за идущих впереди машин. Причин рассматривать эту машину у него не было. Ну, поехали люди после «вводной лекции», если, конечно, это они и есть, куда-то. И что в этом странного? А скорость водитель держит по своему вкусу.

Стас отвернулся, стал смотреть в другое окно и увидел, как внедорожник все же обогнал и другие машины, и трамвай и быстро уехал вперед. Сейчас уже была возможность посмотреть на номер. Это действительно была машина из школы «Вальгалла»...

Глава 2

1

От трамвайной остановки до дома, где устроился Станислав, было метров четыреста. Было жарко. Это как-то расслабляло и мешало сохранять привычную сосредоточенность. Тем не менее, войдя во двор и увидев все ту же машину в другом конце двора, Станислав собрался. Но и откровенного внимания своего к внедорожнику не выказал. Он вошел в подъезд и из подъездного окна стал рассматривать машину. На передних сиденьях, надо полагать, сидели те самые люди, что и раньше – члены приемной комиссии. Только теперь задняя дверца открылась, из машины вышел человек и направился в сторону подъезда, в который только что вошел Станислав. «Тойота» же поехала в противоположную подъезду сторону.

Это было более чем странно.

Старший лейтенант поднялся еще на этаж и продолжал рассматривать двор из подъездного окна. Окна квартиры выходили на противоположную сторону, и наблюдать оттуда возможности не было. Человек неторопливо приближался к подъезду. И, когда подошел, Станислав, к своему удивлению, разглядел парня кавказских кровей. Это как-то не вязалось с пламенной речью майора Базуки и с той политикой, которую, как показалось, ведут в школе. Тем не менее это было реальностью. И человек этот шел в подъезд явно по следам Станислава.

Квартира, выделенная Ратилову, была на четвертом этаже. Он поднялся еще на один лестничный пролет и остановился у окна, решив подождать и посмотреть, что будет дальше. Он отчетливо слышал легкие шаги на лестнице. Шаги приближались и замерли на четвертом этаже. Судя по звуку, можно было подумать, что как раз перед дверью Ратилова. Старший лейтенант неслышно шагнул в сторону, чтобы выглянуть из-за лестницы. Так и оказалось. Человек стоял перед его дверью, но не спешил звонить. Он стоял спиной к старшему лейтенанту, и это позволило сдвинуться еще дальше и даже неслышно шагнуть на ступеньку ниже. А этот шаг, в свою очередь, дал возможность увидеть, как человек переложил пистолет с глушителем из подмышечной кобуры под брючный ремень за спину и чем-то слегка позвенел в руках. А потом склонился над замком. Стало понятно, что человек подбирает отмычку. Пора было действовать.

Скрадывая звук шагов, Станислав стал спускаться по лестнице. Сердце его билось чуть более учащенно, чем в обыденной обстановке, но не настолько, чтобы стук сердца отдавался в ушах. С началом действий, как обычно бывает, полностью прошло волнение. А человек так увлекся замком, что не почувствовал движения у себя за спиной. Но замок был простой и для человека, умеющего работать с отмычками, преградой стать не мог. Дверь подалась и чуть-чуть приоткрылась. Не оборачиваясь, человек протянул руку за спину и хотел взяться за рукоятку пистолета, но старший лейтенант легко захватил кисть, вывернул сустав, сам вытащил пистолет и легким толчком, не выпуская руку, заставил гостя открыть дверь пошире – собственным лбом. При этом оба не издавали ни звука. И только в квартире, в тесной прихожей, Станислав подтолкнул человека в сторону кухни и прижал лицом к стене.

– Чай будешь? – спросил при этом невозмутимо.

– Только руку, сука, отпусти – узнаешь... – пригрозил гость.

– Я слишком уважаю собак, чтобы сказать, что сука – это твоя мать, – ответил старший лейтенант и сжал пальцы, потому что незнакомец яростно пытался вырвать свою кисть из его руки.

Беседа не получалась, и потому Станислав, пользуясь тем, что он ростом ниже гостя на целых полголовы, ударил основанием ладони в затылок снизу, впечатав прищельца носом в

стену. Это было, наверное, больно, поскольку нос у любого человека – место чувствительное, однако непрошенный гость боли не почувствовал, потому что резкий удар в затылок сразу лишил его сознания и заставил сползти по стене на пол. Связать его было нечем. Но на ручке шкафа в прихожей висел хозяйский галстук. Вот его Ратилов и использовал в качестве веревки, а сам прошел на кухню и поставил на плиту чайник. В жаркую погоду зеленый чай поднимал тонус и давал возможность легче переносить капризы погоды. Не успел закипеть чайник, как в коридорчике между прихожей и кухней послышалось сопение. Но гость не стонал и не шумел так, чтобы привлечь внимание соседей. И непонятно было, ради себя или ради старшего лейтенанта он проявлял такое терпение.

Ратилов не спешил выйти к нему. Успел дожидаться, когда чайник закипит, и даже умудрился заварить чай. И только после этого шагнул за угол, чтобы посмотреть на гостя. Тот уже поднялся на колени, но руки были предельно сильно стянуты за спиной в районе локтей, и это вызывало неудобство и стеснение в каждом движении.

– Так чай ты, значит, не хочешь... – не предложил, а просто констатировал факт Ратилов. – Это твоя беда, а не моя, не обессудь уж. За шиворот тебе его лить я тоже не буду. Чай жалко. Но простой кипяток могу, я не жадный. Хочешь?

– С-сука... – прошипел непрошенный гость.

Кажется, он не знал других слов. И за незнание языка тут же получил удар ногой в подбородок. В результате оказалось, что человек совершенно напрасно тратил силы, пытаясь встать. Удар снова уложил его на пол.

– Если нужна будет подушка, попросишь. – Ратилов, в свою очередь, совершенно напрасно потратил слова, потому что гость его уже не слышал.

Лежал он без сознания еще около десятка минут. Старшему лейтенанту этого времени вполне хватило, чтобы выпить чашку чая.

– Чай уже остыл, потому не предлагаю... – сказал он, вновь появившись в коридоре.

Пленник опять поднялся на колени, пытаясь пошевелить челюстью, но она, похоже, была сломана.

– Так-то лучше, – одобрил Стас временное, как он надеялся, молчание. – А то называешь себя кинологом и ничего другого знать не хочешь.

– Какое кино? – не понял гость.

– Цветное, судя по твоему внешнему виду. Боюсь, вид тебе придется еще подпортить, чтобы вежливости научить. Или будешь без этого говорить?

– Ты чего до меня докопался? – вдруг взревел пленник. – Что тебе надо?

– Вот ничего себе... – улыбнулся Ратилов. – Я до него докопался... Он, понимаешь, приходит ко мне, взламывает дверь, размахивает пистолетом, да еще с глушителем, а потом говорит, что я до него докопался. Так ты скоро договоришься, что это я к тебе пришел с пистолетом, что я отмычками на весь подъезд гремел и обещал все двери вскрыть... Это я спрашиваю, что тебе надо? Это я спрашиваю уже в который раз, зачем ты ко мне пожаловал? Чай попить?

– Что ты пристал с чаем? Что тебе надо? – твердил свое гость. – Пристал тут... Вызывай милицию, и все...

– Хочешь легко отделаться? – улыбнулся старший лейтенант. – Не получится. А ментов я сам не люблю и предпочитаю обходиться без них.

Гость, кажется, сообразил, что его радужные надежды на скорую встречу с ментами не сбудутся и на уютную камеру с бесплатной баландой ему в ближайшем будущем надеяться не стоит.

– Так расскажешь ты мне или нет, зачем ты сюда пришел? – спросил Ратилов, начиная сердиться.

– Расскажу, – честно признался пленник. – Если отпустишь, расскажу...

– Не-ет... Так ни в какие ворота не влезет. Сначала рассказывай, а потом уже будем смотреть, стоит ли тебя, дружище, отпускать. Может, правда, лучше ментам сдать? Я, честно говоря, еще не решил окончательно. В худшем случае я тебя с балкона выброшу. Пока будут разбираться, с какого балкона ты упал, я уже далеко буду. Рассказывай и старайся говорить обо всем подробно. Это в твоих же интересах.

Пленник продолжал молчать.

– Ну...

– Что?

– Рассказывай.

– Что рассказывать? Спрашивай.

– Ты, ко всему прочему, еще и тупой... Ладно, буду спрашивать. – Станислав залез в карман джинсовой рубашки своего гостя и вытащил документы. – Гражданин Азербайджана. Это хуже. Значит, ты иностранец. Ладно. Что тебе нужно здесь было? Зачем ты пришел?

– Убить хозяина, – равнодушно проговорил незнакомец. Правда, играть интонациями пленнику не позволяла сломанная челюсть, и говорить он старался, не раскрывая рта.

– Меня, значит?

– Кажется, тебя.

– Тебе за это заплатили?

– Нет. Ты организовал убийство моих земляков. Я должен за них отомстить.

– Я организовал убийство твоих земляков? И когда это было? И где?

– Чуть больше месяца тому назад.

– Я в Челубеевск приехал вчера. Девять лет здесь не был. Правда, один раз пять лет назад проездом на два дня заглядывал. Так что я никак не мог организовать это убийство. И ты, ничего про меня не зная, хотел убить ни в чем не повинного человека? Нет, падения с четвертого этажа для тебя мало. Тебя нужно минимум с седьмого сбрасывать...

– Дом шестиэтажный, – возразил гость.

– На один этаж можно и подбросить, – не согласился Ратилов.

– Я тяжелый. – Гость, как оказалось, был просто упрям.

Но Станислава его упрямство не смутило.

– Это неважно. Две гранаты под задницу – и подлетишь, как птичка.

– Мне подполковник Вальцеферов сказал. Он мент и точно знает, что это ты.

– Врет он. Но этому менту какая-то выгода от моей смерти есть. Не могу, правда, сказать какая...

– Он уверял, что с твоей подачи перестреляли моих братьев.

– И он тебя сразу привез сюда?

– Привез и показал. Показал, когда ты пришел, а потом уехал. И пистолет дал. Пистолет я вернуть должен, иначе плохо мне придется.

– Тебе заплатили?

– Нет. Это я ему заплатил пять тысяч баксов, чтобы он сказал, кто расстрелял моих братьев.

– Умный мент, умеет делишки обдывать. Но пистолет ты ему все равно не отдашь.

– Убьешь меня?

– Не знаю.

– Тогда он меня убьет.

– А ты его не можешь?

– Его помощники меня знают. Все равно достанут.

– Значит, ты должен был просто застрелить меня? Или имитировать ограбление?

– Мне сказали: убей, а потом, когда стемнеет, с часу ночи до двух часов, выбрось труп с балкона на газон. Там его подберут и увезут.

Станислав прошелся по коридору – туда и обратно. Так ему лучше думалось. А подумать было над чем. Потом налил себе чашку уже почти остывшего чая, выпил и посмотрел на своего пленника.

– Ты давно сотрудничаешь с подполковником Вальцеферовым?

– Ты меня убьешь?

– Я еще не принял решение. Ты мне не нравишься, но это не повод, чтобы убивать. В отличие от тебя с твоим подполковником я не такой кровожадный. Но я задал тебе вопрос. С подполковником давно сотрудничаешь?

– Несколько раз он меня просил кое-какие его дела уладить. Я улаживал.

Станислав сел за стол и выпил еще одну чашку остывшего чая. Из-за стола ему хорошо был виден пленник. Рассматривал его старший лейтенант долго. Рассматривал и раздумывал. Ему претило просто вот так убивать человека, даже если тот пришел убить его. Не мог старший лейтенант убить человека, который лежал в коридоре со связанными руками. Но и отпускать его было опасно. Опасно не только для него самого, но и для других, которых его гость может убить. Киллеры редко меняют профессию.

– И как так получилось, что ты стал на мента работать? – спросил Ратилов, выискивая повод, чтобы принять решение.

– Просто. Подрался, изуродовал двух парней, менты сцапали. Тут один мент помог дело замять. И даже взял не много. Потом тягать начал.

– Обычное дело, – согласился Ратилов. – Вальцеферов?

– Нет, другой. Посерьезнее в должности...

– А что домой не уехал? Здесь как живешь?

– Дома я в розыске. Здесь проще прожить. Временная регистрация. Мой мент помогает продлить. И даже на работу меня устроил, чтобы не светиться безработным.

– А Вальцеферов что? Как он тебя запряг?

– Думаю, мой мент сдал в аренду.

– Платит твой мент хорошо?

– А тебе какая разница? Мои деньги – это мои деньги.

– Может, я тоже хочу подработать. Тебя вот осилил. И покрепче парней осиливал.

– Плохо платит. Жадный. Его так и зовут – Скряга. Считает, я много не стою.

– А ты много стоишь? – усмехнулся старший лейтенант, памятуя, как легко справился с наемным убийцей, действовавшим примитивно и до безобразия непрофессионально.

– Я голыми руками убить могу. Без всяких пистолетов.

– Большой специалист по «рукопашке»?

– Хороший специалист. Я в профессиональных боях без правил выступал. И сейчас бы выступал, да язва замучила, удары держать трудно. И не знаешь, когда прихватит.

– Теперь еще и челюсть... – сказал старший лейтенант.

– Что – челюсть?

– Сам не чувствуешь, что она у тебя сломана? После переломов заново будет ломаться легко. С боями ты навсегда попрощался.

– Я с ними попрощался давно.

– Плохую замену нашел.

– Замена меня кормит. И жене с детьми кое-что послать могу.

О том, что у его жертв тоже могут остаться жены и дети, Станислав напоминать не стал. Он уже принял решение. Человек, заявляющий, что умеет убивать руками, не захочет уйти просто так, оставив кому-то свой пистолет. Чужой то есть пистолет, за который ему отвечать придется. И старший лейтенант был готов к дальнейшему развитию событий. Только противник его не знал об этой готовности.

– Ладно, корми и дальше жену и детей, если тебе твой подполковник разрешит жить, – сказал Ратилов, положил пистолет на кухонный стол и подошел к своему гостю.

2

Развязать галстук оказалось проблемой. Когда связывал, затянул узел и без того туго, а тут еще и гость старался, тужился, чтобы связку ослабить, и только сильнее ее затянул.

- Разрежь... – кривя рот от боли, посоветовал гость.
- Галстук хозяйский. Не могу я хозяйские вещи портить.
- Не твоя квартира? – он проверял правдивость слов Ратилова.
- Я же говорил тебе, что в городе давно не был. Снял на время, пока хозяин в отъезде.
- Сколько платишь?

Станислав легко прочитал суть такого разговора. Вроде бы бытовая тема и не несет в себе никаких осложнений. Потом последует сетование на то, что сам дорого платит, потом еще что-нибудь, и это все подготовка к атаке. Момент расслабления внимания противника создается искусственно. Но старший лейтенант на вопрос умышленно не отреагировал. Пусть гость показывает, что умеет. Ратилов будет показывать, что он умеет.

Долго ждать действий противника не пришлось. Только освободился узел, только Станислав выпрямился, отвернулся и шагнул в сторону кухни, как ощутил у себя за спиной яростное движение. Но он этого ждал и потому резко сместился ко второй стене и в дополнение к этому развернулся в профиль. Освободившийся от пут гость наносил в затылок мае-гери¹. Старший лейтенант, хотя от удара и ушел, все же выставил блок, который не понадобился. Но он мысленно начал выставлять сэйкен-джодан-ука² еще до первого шага в сторону кухни, и потому остановиться было сложно. Кроме того, из блока было удобно наносить уракен-саюганмен-учи³. Гость как раз «провалился» после промаха и оказался в неустойчивом положении, к тому же в этом положении и защититься было сложно, и потому короткий жесткий удар старшего лейтенанта без помех достал уже сломанную челюсть. Впечатление сложилось такое, что наемный убийца продолжал стонать уже после потери сознания.

Убивать человека, находящегося в беспомощном положении, было неприятно. Тем не менее убийца свою участь заслужил, и старший лейтенант прекрасно понимал, что, пощади он его снова, тот опять попытается его убить. Иначе его самого убьют по приказанию подполковника Вальцеферова. И потому выход был только один. Станислав наклонился, левой рукой ухватился за подбородок, правой придавил затылок и сделал резкий рывок в левую сторону. Шейный позвонок хрустнул громче, чем только что прозвучал удар...

* * *

Свой устный доклад о первом дне пребывания в школе «Вальгалла» и предполагаемые собственные действия на нынешнюю ночь Станислав записал на цифровой диктофон в дополнение к уже произведенным записям. Перебросить данные с цифрового диктофона на карту памяти MicroSD – дело одной минуты. Система управления цифровым миниатюрным диктофоном позволяла это сделать одним нажатием кнопки.

По большому счету отправлять было еще и нечего, если не считать непредвиденного появления непрофессионального наемного убийцы. Впрочем, ждать от ментов появления профессионала, с точки зрения старшего лейтенанта, не приходилось. Кого они могут привлечь? В

¹ Мае-гери (в карате) – прямой удар ногой.

² Сэйкен-джодан-ука (в карате) – верхний блок.

³ Уракен-саюганмен-учи – удар тыльной частью кулака сбоку в лицо.

лучшем случае уголовников. Но уголовника, даже если он всю жизнь только тем и занимается, что выполняет заказы на убийство, некорректно сравнивать с тщательно и умно подготовленными за счет государства профессионалами, например такими, как офицеры спецназа, будь то спецназ ГРУ, спецназ ВДВ или любой другой спецназ. Самостоятельно достичь соответствующего уровня подготовки невозможно. Но выстрел из-за угла может всегда оказаться неожиданным, и противопоставить этому иногда нечего. Само появление убийцы было уже нонсенсом, поскольку, как считал Ратилов, он еще никак не сумел засветиться и подставиться. И не было причин для его ликвидации. А если и были, то сам главный фигурант этого дела ничего об этом не знал. Кроме того, следовало плотнее заняться подполковником Вальцеферовым. Самостоятельно навести о нем справки и не привлечь к себе внимания было практически невозможно. Если бы не все это, то первый доклад можно было бы и не отправлять. «Вводная лекция», хотя и проводилась на грани статьи по разжиганию межнациональной розни, все же на саму статью не тянула. Там, как уже говорилось, не было откровенных призывов к силовым методам разрешения проблемы. А желание научить людей за себя постоять никак нельзя рассматривать как подобный призыв. Значит, против майора Базуки фактов не было.

Завершив работу, Ратилов, взявшись за одежду и стараясь не прикасаться к открытым участкам кожи, уже покрытым посмертным потом, перенес тело наемного убийцы на балкон. И там заложил половиком, чтобы случайно не увидел кто-нибудь с соседних балконов. Пусть убийца полежит до отведенного времени, когда подполковник Вальцеферов приедет за телом, чтобы подобрать его под балконом. Провонять он еще не успеет, поскольку жара к вечеру начала спадать. А оставлять тело в квартире тоже не хотелось. Да и мало ли кто может заглянуть по необходимости. Сосед, к примеру, за знакомство выпить предложит...

И только после этого старший лейтенант набрал на мобильнике номер, который хорошо запомнил. Он знал, что ему никто не ответит. И не ждал ответа, отключившись от соединения через несколько звонков. Это был просто условный сигнал, что через сорок-пятьдесят минут в тайник будет заложена карта памяти с сообщением. Теперь осталось время принять прохладный душ, чтобы смыть с себя неприятные ощущения, и отправиться к тайнику.

* * *

Тайник специально выбирали по погоде, основываясь на прогнозах метеорологов, не обещавших в ближайшее время похолодания, во время которого прогулки могут выглядеть странными. Но в жаркое время года, тем более в такое аномально жаркое, что выдалось в нынешнем году, выйти на вечернюю прогулку может каждый, и это не вызовет никаких вопросов.

Длинный сквер был вытянут на три квартала и разделялся дорогами. Первая часть сквера, где под памятником воинам-победителям располагался Вечный огонь, была ухожена и вылизана, стилизована под место проведения торжественных мероприятий. Две другие части сквера пребывали еще в своем первозданном виде и представляли собой просто широкую аллею, с двух сторон усаженную большими зарослями кустов сирени и яблонями. Под этими кустами и под яблонями стояли скамейки, где можно было спокойно, вдали от городского шума посидеть тихим вечером и отдохнуть. Третья по счету скамейка имела в чугунной боковине нишу. Просто сядишь с краю, предварительно зажав между пальцами пакетик с миниатюрной картой памяти, и меняешь свой пакетик на оставленный в тайнике. В новом пакетике – чистая карта памяти или с инструкциями по дальнейшему поведению.

Убедившись, что за ним никто не наблюдает, старший лейтенант произвел замену карт памяти, на всякий случай посидел еще минут пять, посмотрел на часы и двинулся восвояси. Дело было сделано...

* * *

К сожалению, Станислав не имел при себе не только бинокля с прибором ночного видения, но даже и простого бинокля. А понаблюдать за происходящим под балконом было бы неплохо. Хотелось рассмотреть, какую роль играет во всей этой истории подполковник милиции Вальцеферов и кто из двух последних, не представленных курсантам членов приемной комиссии носит эту фамилию. Хотя вполне возможно, что под балконом могут оказаться они оба и еще несколько сотрудников охранного предприятия «Тор». Почему-то подумалось, что школа «Вальгалла» и охранное предприятие, осуществляющее охрану школы, это, по сути своей, одна организация. Или две организации одного подчинения, что скорее всего ближе к истине.

До дороги от дома около сорока метров. Там горели фонари, но они освещали именно дорогу. Без бинокля, когда свет почти во всех окнах погашен, а свет уличных фонарей на эту сторону дома, богатую зеленью, не доходит, рассмотреть что-либо было невозможно. Впрочем, в темноте даже бинокль дал бы мало. Но, по крайней мере, какие-то очертания людей, фигуры выделить было бы реально.

Выключив свет во всей квартире, Станислав долго присматривался и прислушивался к происходящему за балконными перилами. Важно было, чтобы никто не видел, как он выбросит тело. Ночное время еще не являлось гарантией скрытности. Не заметив ничего подозрительного, старший лейтенант сбросил со своего гостя коридорный половик, приподнял того, ставшего вдруг очень тяжелым, положил на перила, потом, собравшись с силами, сильно толкнул так, чтобы при падении труп не задел какой-то из нижних балконов и не привлек внимания соседей. Все обошлось, хотя сам шум падения и треск сломанных кустов могли кого-то и разбудить. Но разобрать, что лежит в кустах, было трудно. Разве что кто-то подойдет вздумает.

Теперь осталось дожидаться, когда заберут тело. Прикрыв балконную дверь, Станислав присел, чтобы сквозь металлическое ограждение наблюдать за происходящим на улице, самому оставаясь невидимым.

Ждать на балконе пришлось минут тридцать, если не больше. Наконец Стас заметил, как зашевелились кусты. Строго по направлению к телу, словно знали, куда идут, двигались три человеческие фигуры. Даже в темноте и с приличного расстояния в четыре этажа Ратилову показалось, что это люди в форме.

Люди не суетились, двигались неторопливо и по-деловому. И точно вышли к телу. Без разговоров взяли труп за руки и за ноги и понесли в сторону дороги. Никто им не помешал. Дело было сделано, и люди подполковника Вальцеферова «зачистили» территорию под балконом Станислава.

Можно было покинуть свой наблюдательный пункт, но Ратилова что-то задержало. Может быть, он ждал звука двигателя машины, чтобы убедиться в окончательном успехе операции. И услышал звук, но не отъезжающей, а подъезжающей машины. И голоса, которые в ночи звучали громко. Разобрать слова было невозможно, но возбуждение проявлялось в резких командах. Значит, там что-то произошло, и это могло быть вовсе не в пользу Ратилова. Разговор на повышенных тонах длился около пяти минут, потом одновременно загудели два двигателя, и две машины уехали в одном направлении.

С балкона уже пора было уходить. И устраиваться на ночь следовало, не включая свет. И даже ходить по квартире лучше было аккуратно, чтобы не скрипнула половица и соседи этажом ниже не слышали, что жилец с четвертого этажа этой ночью бодрствует. Но с тишиной Станислав дружил, и эта дружба была надежной и крепкой. Он стелил постель и одновременно просчитывал возможные варианты того, что произошло на дороге. Там могли случайно появиться менты. Увидев, как тело грузят в машину, естественно, они остановились. Мог кто-то из сосе-

дей увидеть, как сверху в кусты упало тело, и позвонить в милицию. Хорошо было бы в этом случае, чтобы такой внимательный наблюдатель не определил балкон, откуда было выброшено тело. Мог подъехать подполковник Вальцеферов и, опознав тело, попытаться выяснить, что произошло. Там вообще могло произойти что угодно. И, не имея более точной информации, Ратилову лучше было бы и не гадать.

Едва он разделся, как в кармане зазвонил мобильник. Звонить ему, тем более в такое время суток, мог только кто-то из находящихся на связи. Даже жена, лежащая с дочерью в больнице, не стала бы звонить, зная, что муж занят в опасной операции.

Еще он писал номер в анкете в школе «Вальгалла». Но оттуда звонить ночью тоже было скорее всего некому, и не было причины для такого звонка. Определитель высветил номер незнакомого абонента. Пришлось ответить, поскольку всех номеров людей, находящихся со Станиславом на связи, он не знал. Помнил только несколько основных для оперативного пользования.

– Да... Слушаю... – ответил Ратилов.

– Стас... – Звонил Макиавелли, но не со своего телефона.

– Да, Серый, слушаю. Что-то не так пошло?

– Все так. Но информация интересная. Во-первых, твой подполковник Вальцеферов – это бывший начальник боевой и физической подготовки областного ОМОНа. И он оказался гораздо более хитрым и осторожным, и даже более предусмотрительным, чем мы предполагали. Это достойный противник. Мы, естественно, упустить шанс, который ты нам предоставил, не могли и выслали оперативную группу спецназа, чтобы перехватить «похоронную команду». И что оказалось?

– Что оказалось? – переспросил Ратилов.

Группа сидела в засаде и вызвала машину как раз в момент, когда тело вынесли из кустов. И встретила с милицейским нарядом. Тело вывозили менты из ближайшей, как выяснилось, патрульной машины. По версии милиционеров, они во время патрулирования улицы получили вызов и сразу выехали. Проверить их слова можно без труда. Оперативная группа вместе с милиционерами поехала в райотдел. Все совпало. Дежурному позвонили с диспетчерского пункта МЧС. Им из таксофона звонила женщина, сказала, что видела, как человек то ли спрыгнул, то ли упал с крыши. Назвала точный адрес и место, где это произошло, ориентируясь по рядам балконов. Себя женщина назвать отказалась, сказала, что не желает, чтобы ее потом беспокоили как свидетеля. И бросила трубку. Милиционеры выехали и нашли труп. Шею упавший мог сломать и при приземлении. Нам придраться не к чему. Подполковник Вальцеферов к этому делу внешне не имеет никакого отношения. Вот и все...

– Однако... – обдумывая ситуацию, проговорил Станислав.

Да ему в принципе и сказать на это было нечего. Видимо, звонившая женщина была из шайки Вальцеферова. Противник в самом деле оказался очень серьезный, но это никак не объясняло, каким образом Вальцеферов вычислил старшего лейтенанта Ратилова и по каким причинам решил ликвидировать человека, который еще ничего не сумел узнать о школе «Вальгалла»...

– Поэтому, Стас, выдвигаю предложение о выводе тебя из операции, – сказал Макиавелли. – Официально вопрос буду ставить утром. Решится все в течение часа-двух. Будь готов к выводу. Мы сделаем это аккуратно. К примеру, приедем в «Вальгаллу» и арестуем тебя по подозрению в каком-нибудь некрасивом поступке.

– Считаю такую постановку вопроса преждевременной, – не согласился старший лейтенант. – Если будет обострение ситуации, я сам сумею выбраться из нее.

– Хм... Вообще-то ты обстановку чувствуешь лучше, чем я, и решать тебе. Мы уже наладили внешний контроль. Здание школы под наблюдением наших скрытых видеокамер. Восемь

видеокамер в круглосуточном режиме. Любые внешние нарушения будут нами отмечены. Если что-то не так, постарайся подать нам сигнал.

– Какой?

– Хотя бы окно разбей.

– С детства этим, честно говоря, не занимался. Но сделаю что-нибудь...

– Еще просьба, вот мне только что принесли лист. Для меня это приказ, для тебя – только просьба, как понимаешь. Если будут снова какие-то, подобные «вводной лекции», речи майора Базуки... Это, кстати, его настоящая фамилия. В детском доме дали за неимением фамилии настоящей. Беспорядочником был. Директор детского дома был отставной военный и фамилии воспитанникам, которым они требовались, давал боевые. Так вот, если будут аналогичные речи, постарайся вызвать его на провокацию, пусть говорит откровеннее, а ты обязательно запиши.

Станислав скорчил трубке страшную физиономию. ФСБ пыталась сделать из боевого офицера спецназа своего «стукача». Ему это не нравилось.

– Я попробую поддержать его своим боевым авторитетом, – предложил он. – Описанием событий из реальной жизни на Северном Кавказе. Остальные лучше поверят в это. Мне есть что порассказать, и это многих впечатлит.

– Вот-вот, – Макиавелли не понял сарказма, – говори что хочешь. Твои слова не будут рассматриваться как преступные деяния.

Товарищ детства предлагал Станиславу стать не просто «стукачом», а настоящим квалифицированным провокатором. Роль «попа Гапона» старшего лейтенанта устраивала еще меньше, чем роль «стукача».

– Спасибо, утешил...

– И осторожнее с Базукой. Он кандидат медицинских наук, бывший штатный психолог МВД. Прекрасно владеет и гипнозом, и нейролингвистическим программированием.

– По внешнему виду я принял бы его за отставного грузчика с овощной базы.

– На этом многие и попадают. Но ты постарайся не попасться...

* * *

Звонок Макиавелли сонливости старшему лейтенанту не добавил.

Подполковник Вальцеферов... Ратилов попытался вспомнить всех членов приемной комиссии. Который из двух оставшихся без представления был этим подполковником? Начальник боевой и физической подготовки областного ОМОНа... Должность серьезная и многообещающая в плане физических возможностей. Но, оказывается, не только физических. То, как умело и продуманно был осуществлен вывоз тела наемного убийцы, говорило, что Вальцеферов в действительности противник достойный, с которым будет трудно в дальнейшем. Следовало выработать правильную и, может быть, единственную линию поведения. Главное, чтобы эта линия смотрелась естественной. И еще следовало как-то выяснить, по какой все-таки причине Вальцеферов подослал к нему убийцу. Это, если разобраться, была, наверное, самая важная задача из всех на ближайшие дни. Без выполнения этой задачи невозможно было справиться с другими, ради которых старший лейтенант и приехал в Челубеевск...

Глава 3

1

Утро после двухнедельной изнуряющей жары выдалось, как казалось, прохладное, хотя столбик термометра за окном показывал двадцать два градуса – вполне комфортная погода для любого вида деятельности.

Первое, что предстояло сделать, это спрятать подальше пистолет наемного убийцы. Чтобы оружие не досталось случайно нашедшим его мальчишкам, Ратилов закопал упакованный в целлофановый пакет пистолет на пустыре под одним кустом, а отдельно, отойдя на двадцать метров в сторону, закопал извлеченный из оружия затвор и патроны. Не имея под рукой лопаты, обходился большим столовым ножом. И едва успел выполнить работу и прикрыть ямку дерном, как на пустырь пожаловали жильцы, выгуливающие собак. Видимо, это было обычное для них место прогулок. Конечно, собаки могут выкопать оружие, уловив своим чутким носом, что здесь кто-то недавно что-то закапывал. Но теперь менять место тайника было поздно, и следовало вернуться сюда вечером, попозже, когда жильцов с собаками уже не будет.

До школы старший лейтенант добирался опять на трамвае, хотя, имея запас времени, мог бы и пройти пешком. Но в последний момент решил приехать раньше, чтобы посмотреть на хозяина машины с запомнившимся номером. Впрочем, та машина, что заезжала во двор дома, могла и не принадлежать Вальцеферову. Он мог быть тем вторым человеком, что устроился на переднем пассажирском сиденье и разговаривал с наемным убийцей, полуобернувшись к нему. Момент этого разговора Stanislaw видел издали через лобовое стекло, когда только еще вошел во двор. Значит, следовало проконтролировать две машины. Их номера Ратилов запомнил сразу, как только впервые вошел во двор «Вальгаллы». Но скорее всего именно пассажир из того внедорожника и был подполковником Вальцеферовым, потому что второй, тот, что сидел за рулем, как сам вспоминал на собеседовании, служил старшим прапорщиком в спецназе ВДВ. Спецназ ВДВ появился не так давно, и, если человек служил там старшим прапорщиком, когда бы он успел дослужиться до подполковника милиции? Не совпадает по времени. Значит, ориентироваться следует на пассажира.

Уже в трамвае, на сей раз переполненном, поскольку люди на работу ехали, Ратилов увидел, что слегка опоздал со своим желанием. Один из внедорожников – не тот, что был минувшим вечером во дворе, а второй – обогнал трамвай. На сей раз Stanislaw сумел и номер сразу рассмотреть. Та самая машина, что привезла во двор наемного убийцу.

Во дворе школы «Вальгалла» уже собралось около десятка курсантов. Все были курящими, и Ратилов, первоначально встав в облако дыма, поздоровался и сразу отошел в сторону. Он хорошо знал, как сказывается сигаретный дым на дыхании, потому и сам не курил, и солдат своего взвода от курения отучал, хотя большинство из тех, кто призывался, до службы были курящими.

В принципе сближаться с кем-то и искать себе среди курсантов помощников Stanislaw не собирался, хотя по жизни был человеком незамкнутым и общих разговоров, неизбежных в любой компании, не чурался. Просто в данной конкретной ситуации его больше интересовал преподавательский состав и общие цели школы, чем ее выпускники. Но общие разговоры слушал.

Во дворе пока стояла только одна машина из вчерашних четырех – та самая, что обогнала трамвай. Но вскоре приехал президент «Вальгаллы» Максимыч, махнув рукой, поприветствовал курсантов и прошел мимо торопливой деловой походкой. Выглядел президент озабоченно, но вполне вероятным было предположить, что это его обычная манера себя держать, а вчераш-

нее свободное обращение к курсантам перед «вводной лекцией» было скорее исключением из правил.

– Не в духе начальство... – сказал один из курсантов, потирая забинтованную кисть руки, потом сломанный нос.

– Не в духе, – согласился другой.

Следом за Максимычем, с интервалом в полторы минуты, приехал и майор Базука. Этот был настроен более благожелательно, даже остановился около группы курсантов и поморщил свой нос-картофелину.

– Дружеского совета, парни, послушайтесь. Бросайте курить. Посмотрите на курсанта Ратилова. – Он кивнул в сторону старшего лейтенанта. – Сдается мне, вы ему конкуренцию составить не сможете. Некурящие всегда бывают впереди. Я это уже видел...

Майор улыбнулся, теперь кивнул самому себе и пошел дальше.

– Этот в духе, – заметил первый курсант. – А ты что, никогда не курил? – Вопрос был адресован Станиславу.

– Даже не пробовал. И не буду пробовать.

– А я не представляю, как без сигареты жить, – со вздохом признался курсант. – Интересно, марш-бросок – это больше, чем полчаса?

– Больше. Может быть, больше часа.

– Придется на бегу курить. Я так долго без сигареты не выдержу.

Старший лейтенант бросил пробный камень.

– Когда начнут нас по полной программе гонять, быстро сориентируешься. Кто у нас «физику» вести будет? Тут, говорят, зверь такой есть, подполковник Вальцеферов. Он начальник боевой и физической подготовки областного ОМОНа. Будет нас гонять. Тогда вот и поймешь, во что тебе каждая сигарета обходится.

– А мне все одно – что Вальцефер, что Люцифер... Я на духе всегда выезжаю. Дух мне от папашки крепкий достался. И сломать меня нельзя. Убить – можно, сломать – ни у кого не получится.

– Дух, как воздушный шарик, – заметил третий курсант. – Бывает, быстро спускается.

– Это значит, дух слабый, если спускается, – не согласился первый и опять привычно потер сломанный нос.

Третий курсант тоже не курил, как и Ратилов, и вообще он по возрасту был здесь старшим и самым, пожалуй, молчаливым. Но отличался от других умными глазами, хотя взгляд имел жесткий. Станислав подумал, что к этому третьему стоило бы, пожалуй, внимательнее присмотреться. Он, кажется, чего-то стоит, да и попал сюда, возможно, неспроста.

– Вон и Люцифер едет, – сказал первый курсант и кивнул в сторону ворот, в которые медленно и солидно въезжал внедорожник. И показал при этом, что, в отличие от Ратилова, знает, кто такой подполковник Вальцеферов.

«Тойота Лендкрузер», величественно качнувшись при переезде через бордюр, встала рядом с двумя другими такими же машинами-близнецами за будкой охранника, и из нее вышел человек в сине-сером милицмейском камуфляже, крепкоплечий, ростом повыше Ратилова и, видимо, очень сильный физически, как все члены приемной комиссии. Глаза смотрели насмешливо и властно, и по внешнему виду трудно было предположить, что у этого человека возникли какие-то проблемы. Умел, кажется, владеть собой.

– Народ, как я понимаю, для получения экзекуции собрался? – спросил подполковник скорее самого себя и взглядом окинул всех, кто уже пришел. – Нет, еще четвертой части на месте нет, долго задницу намыливают... Как все соберутся, я приступлю. Берегитесь! Спортивная форма у всех, надеюсь, есть, предупреждали еще вчера...

– По расписанию у нас сначала два часа занятий в классе, – заметил кто-то.

Вальцеферова это не смутило.

– Не беда, мы люди негордые. Я могу и через два часа приступить. Хотя жалко вот, погода сегодня подвела. Вчера планировали, опираясь на вчерашнее состояние, учить вас плавать, выбрасывая из лодки. Так лучше учатся... Да тут вдруг жара спала. Кто понимает толк, тот согласится, что лучше в зной проверять, кто первый бросит занятия. Будешь знать, на кого потом придется рассчитывать. Гарантирую, уже сегодня несколько человек отсеются. Слова не скажут, а завтра у них что-то заболит. А кое-кто сегодня до финиша не добежит...

Между тем Ратилов отметил, что Вальцеферов выглядит, несмотря на некоторую рисованную грубоватость, вполне обычно и даже кажется приятным человеком с определенным даром обаяния. Но в принципе ни у одного самого жестокого убийцы на лбу не написано, что он убийца...

* * *

Похоже было, что несколько человек минувшим вечером все же скучковались и, вероятно, выпили, со всеми вытекающими последствиями. А в такую жару, какая была вчера, пить никому не рекомендуется – быстро теряешь над собой контроль. Но курсантов это, кажется, не смутило. Такой вывод старший лейтенант Ратилов сделал на основе простых наблюдений. Днем, перед «вводной лекцией», да и после того, как курсанты расстались, все выглядели здоровыми и готовыми к подвигам, которые намеревались совершить, чтобы заработать миллион. Утром же здоровья у многих поубавилось. Еще можно было насчитать две перевязанные руки и три синяка. У одного имелась ссадина на скуле, у другого была разбита и скреплена пластырем губа. У трезвых людей таких травм, как правило, бывает меньше. Многие шептались, и это тоже указывало на то, что парни вспоминали какие-то приключения. И сразу пришла мысль, что называется, почти арифметическая. Если этих крепких физически парней еще и драться научить, они могут доставить много неприятностей тем, кто ведет себя спокойно.

Станислав не стал дожидаться, когда соберутся все, чтобы сосчитать синяки и травмы, и, хотя до начала занятий оставалось еще пятнадцать минут, пошел в здание школы, надеясь «случайно» встретиться с подполковником Вальцеферовым, и исходя из его поведения сделать хоть какие-нибудь выводы.

Поднявшись на второй этаж, Стас остановился у доски с объявлениями и расписанием, которое он уже минувшим днем прочитал и запомнил. Но сейчас делал вид, что изучает. Согласно расписанию, первые два часа занятий отводились теоретической подготовке. Лекция значилась как «Психологические основы рукопашного боя». Кто будет вести занятия, в расписании не указывалось. Впрочем, и руководители других занятий также указаны не были. Но подполковник Вальцеферов обещал, что будет проводить занятия по физической подготовке, которые в расписании значились второй парой часов. Но знакомиться в школе «Вальгалла» необходимо было не только с Вальцеферовым, ибо хотелось знать хотя бы приблизительный численный состав преподавателей, чтобы иметь возможность провести оценку финансирования. Эту задачу ставил Макиавелли как одну из главных, хотя самому Ратилову она главной не казалась.

Старший лейтенант не зря стоял около доски с расписанием: открылась дверь преподавательской комнаты, и из нее вышли Максимыч с Вальцеферовым. Максимыч был озабочен, Вальцеферов же то ли в самом деле не знал забот, то ли умело держал себя в руках. Во всяком случае, вид у него по-прежнему был слегка беспечным и насмешливым. Возможно, они и обсуждали ситуацию, сложившуюся после вчерашнего провала наемного убийцы, и думали, чем этот провал может грозить школе; тем не менее к какому-то определенному решению, вероятно, не пришли. Да и трудно было это сделать, не имея на руках конкретных фактов. Не могли они знать, о чем разговаривали наемный убийца и его неуступчивая жертва. Как считал

Ратилов, можно было только гадать и предполагать, что произошло в квартире, а на этой основе выстраивать версию было невозможно. И потому вопросы оставались неразрешенными.

Максимиш с подполковником ОМОНа остановились у двери кабинета неподалеку от Станислава, и тот успел коротко глянуть на них перед тем, как руководители школы скрылись за дверью. И при этом поймал довольный и полный любопытства взгляд подполковника Вальцеферова. Именно полный любопытства, но никак не настороженный. Это было непонятно.

Дверь закрылась, а Ратилов снова стал читать расписание. Слегка удивляла плотность работы в «Вальгалле»: с девяти утра до десяти вечера с часовым перерывом на обед. Ужин, видимо, вообще не предусматривался. Теоретические занятия чередовались с практическими...

* * *

Занятия проходили в классе на первом этаже, где из двух комнат сделали одну большую и выставили в три ряда столы. Следы внутренней снесенной перегородки были еще видны на стенах и показывали, что здесь делали основательную реконструкцию, вкладывали средства, рассчитывая, что «Вальгалла» будет жить долго и будет приносить, видимо, доход. Но вот какой – было непонятно. Те мизерные средства, что давала оплата обучения курсантами, никак не покрывали расходов. А еще и приз в миллион рублей на втором курсе! Из каких средств формируется бюджет школы? Этот вопрос тоже следовало выяснять в деталях.

Как обычно бывает на первых занятиях, курсанты еще не сосредоточились, еще не вошли в ритм, и потому им было трудно сразу включиться в учебный процесс. Майор Базука, который вел занятия, к такому восприятию оказался готов, поэтому начал с общих фраз и, как минувшим днем, старался завладеть вниманием курсантов испытанными методами. Рассказал несколько анекдотических случаев, которые сняли первичное напряжение, а дальше уже мог свободно приковывать внимание собравшихся к своей речи. И делал он это, как на себе испытал старший лейтенант Ратилов, мастерски.

И только после этого майор перешел к основной части своей лекции, которую читал со знанием дела. Станислав не слышал, чтобы по такой методике обучали милиционеров. Вероятно, это просто опасно для общества, если учесть, из кого составлен современный милицкий контингент – в милицию набирают кого попало. Может быть, обучали омовцев, которые много внимания уделяют рукопашному бою, но и такие слухи до старшего лейтенанта не доходили. Даже в спецназе ГРУ, в линейных частях, обучение шло без психологической подготовки. И только отдельные элитные офицерские подразделения обучались по аналогичной, но, естественно, собственной методике. Впрочем, и методика была в чем-то схожа. По крайней мере, для себя Станислав нового ничего не услышал. Он, естественно, включил устроенный в рукаве диктофон, хотя хотелось его выключить, когда Базука начал сводить лекцию к определенной линии. Но выключать было нельзя, потому что запись лекций официально считалась отчетом старшего лейтенанта о проделанной работе. Естественно, нельзя было и предупредить майора о том, что ведется скрытая запись, потому что о запрете на запись лекций разговор шел особый еще до начала «вводной». Предупредить – значит раскрыть себя. Ну и, конечно уж, выступать в роли провокатора Станислав не собирался. Более того, пока со всем, что слышал, он был согласен и сам мог дать дельные советы в унисон сказанному.

– Главное, что следует знать раньше того, как вы по необходимости вступите в реальную схватку, – преамбула майора Базуки звучала внушительно, с уважением к себе и к своим знаниям, – я объясню вам на простом примере. Сразу прошу обратить внимание, что говорю я на отвлеченную тему, но ваши действия в любом случае должны быть адаптированы под общие принципы. Итак... Большой и сильный, в дополнение к этому не слишком умный и наглый человек терроризирует и унижает других; уверен в собственной силе и не способен справиться

со своими дурными страстями. Если кто-то смеет ему возразить, сразу следует удар. Вы все с подобными случаями наверняка сталкивались в жизни; особенно часто подобное происходило в детстве, когда человек – по крайней мере многие из людей – испытывает в соответствии с возрастом потребность в самоутверждении. Но мы не будем решать детские вопросы, поскольку из данного возраста вы все давно вышли. И потому я ставлю вопрос: когда этот сильный и грубый человек становится уязвимым? Ответ на этот вопрос ясен без дополнительных подсказок. В момент, когда он не ожидает атаки, то есть раскрыт и физически, и, главное, психологически. И при любой ситуации, варьируемой в той или иной интерпретации, ваша первая задача – раскрыть противника. А легче всего это сделать, показав, что вы боитесь. По большому счету демонстрация страха есть не что иное, как действия из засады. А действия из засады тогда эффективны, когда они неожиданны. Вот здесь сидит бывший контрактник спецназа ГРУ. Он может популярно объяснить непонятливым, что такое засада, спецназ ГРУ как раз тем и славится. И вы должны уметь устраивать противнику засады. В соответствии с обстоятельствами вы должны быть неожиданны, непредсказуемы и, заостряю на этом вопросе ваше внимание, безжалостны. Красивые игры в благородство часто оборачиваются значительными потерями. Пощечина хороша к месту; скажем, на светском приеме она была бы уместна. Но в рукопашном бою никакая пощечина, даже самая увесистая, не может быть серьезным выпадом. После пощечины тебя уложат и изуродуют. И потому бить нужно предельно жестко, не надеясь на то, что противник повержен, и добивать его, пока не потеряет сознания. И при этом ни на секунду не останавливаться. Не давать передышки ни себе, ни тому, кому наносите удары, чтобы он не сумел сориентироваться, вывернуться и повернуть исход схватки в свою сторону. Безостановочность атаки – это очень важный момент поединка.

Позже вас будут учить ударам по нервным окончаниям и болевым точкам. Есть целый ряд ударов, которые способны обездвижить человека. Но возможность нанести такой удар предоставляется далеко не всегда, а умение создавать для себя удобные ситуации – это целая наука, которая с наскока не постигается. И потому для вас важно понять, что безостановочность атаки может всегда выручить. Бить и добивать...

Ратилов слушал внешне внимательно, хотя ему хотелось зевать. Единственное, что заинтересовало его в лекции майора Базуки, это умение изображать психа. Перед психом пасуют самые сильные, и даже многочисленные компании стараются с такими не связываться. Псих – это существо особое, которого боятся все. Если изображать психа, оставляя при этом голову холодной, можно достичь значительного успеха. И если все, о чем прежде говорил майор, было хорошо знакомо Ратилову, то этот факт его весьма заинтересовал.

В завершение первого часа лекции майор осмотрел аудиторию и усмехнулся.

– Я вот вижу перед собой некоторые ваши физиономии и не могу при всем желании не заметить, что кое-кто уже вчера поторопился. Не умея ничего, не имея навыков, он посчитал себя бойцом. Я знаю, что такое бывает, но все же лучше не спешить.

– А пусть не лезут... – сказал курсант с перевязанной рукой, с которым Станислав разговаривал до начала занятий. – Понаехало «черных», в городе пройти негде...

Это уже был какой-то намек на то, что курсанты хорошо восприняли вчерашнюю «вводную лекцию». И после такого восприятия действительно поторопились себя испытать.

– Вот и поговорим об этом после перерыва, – пообещал Базука.

2

В перерыве между лекциями курсанты толпой вывалили из здания на перекур и окружили уличную «пепельницу» – поставленный чашей колесный диск от грузовика. В помещении школы курить запрещалось, и на двери туалета была даже вывешена надпись об этом. Ратилов, как и раньше, встал чуть в стороне от общей группы, чтобы не быть даже пассивным куриль-

щиком. Рядом с ним оказался тот курсант с умными глазами, что был старшим по возрасту в группе. Смотрел он чуть насмешливо, но без агрессивности.

– А что спецназу ГРУ здесь понадобилось? Или вас в армии не учили быть настоящими мужчинами? Понадобилась подпитка?

– Миллион понадобился, – спокойно, почти хмуро сказал Станислав.

– Никак машину хорошую купить мечтаешь?

– У меня есть приличный автомобиль.

– Понятно. Автомобиль имеется, а вот квартиры нет?

– С квартирой дело обстоит хуже, но ее на эти деньги не купишь.

– Тогда что, если не секрет? Хочешь свой бизнес открыть?

– И бизнес меня не интересует. Не для меня это. Дочь у меня болеет. В глаза ей смотреть не могу. Деньги на лечение нужны.

– Да, это цель, – серьезно сказал курсант. – Тебя как зовут, спецназовец?

– Станислав. Стас попросту...

– А я Вадим. – Курсант протянул руку для пожатия.

Рука у него оказалась сухая и твердая. И рукопожатие было крепким. Так руку жмут обычно люди прямые и честные.

– А тебе миллион, как я понимаю, на машину нужен? – в свою очередь спросил Станислав. Его прозорливость имела объяснение. Если человек начал разговор о машине, значит, его этот вопрос волнует.

– Угадал. Моя старушка на ходу развалиться готова. Вчера утром вот глушитель потерял. Отвалился, а позади меня КамАЗ ехал. И прямо по моей трубе. Как здесь без миллиона обойтись!..

– Желающих много. Конкуренция большая.

– Я подготовленный. А они почти все курящие, не потянут.

– Спортсмен?

Курсант с достоинством кивнул.

– Мастер спорта международного класса по боевому самбо.

– Впечатляет.

– Правда, уже два года, как тренироваться бросил. Попробовал себя в смешанных единоборствах, но у меня ударной техники не хватает. Руки для ударов слишком тяжелы. Бросил. Но форму для себя поддерживаю. Чтобы не раскисать...

– Это хорошо, – согласился старший лейтенант и посмотрел на часы. – Пора...

– Еще семь минут, – не согласился стоящий сбоку курсант с перевязанной рукой. – Меня Александром зовут. Я еще сигарету осилить успею.

И он поочередно пожал руки Ратилу и Вадиму. При этом для пожатия протягивал как раз забинтованную руку, которую оба пожимали с осторожностью. И только после этого вытащил сигарету и закурил.

– Что с рукой?

– Палец выбил большой. Я всегда, как кому-то от души врежу, его выбиваю.

– Бьешь, значит, неправильно, – сделал вывод старший лейтенант.

– Зато от чистого сердца, – оправдал себя Александр. – Чтобы без обиды было: чем смог, тем и помог...

– Большая необходимость была? – словно бы между делом поинтересовался Вадим.

– Меня не спрашивали, – усмехнулся Александр. – «Наехали», я ответил, и весь разговор. Майор вчера еще сказал, что скоро мы дома себя чувствовать будем как в гостях...

– Он так говорил? – спросил Ратил.

– Ну, другими словами. Не в том дело. «Черные» привыкли, что им не отвечают. А их на место надо ставить. Тогда уберутся к себе. А то еще пистолетами размахивают...

– Пистолетами? – переспросил Вадим.

– Пистолетом. Он, правда, и достать не успел. Только руку на рукоятку положил – я его сразу «отключил». Я когда-то два года в литейном цехе работал, кувалдой летник с отливок сбивал. Вот и натренировался. Удар у меня тяжеленный.

– А пистолет куда дел? – Ратилов вспомнил о подобном своем вчерашнем приключении, но с выводами пока спешить не хотел.

– Сказал бы раньше, что тебе нужно... А мне лишняя головная боль ни к чему. Статья за такое дело корячится. Я обойму вытащил, подальше забросил, и хватит. Да толку-то... У них почти у каждого оружие. Пистолета нет – они за нож хватаются...

Группа дружно двинулась к двери. Александра позвали, и он отошел в сторону. Разговор прервался. Ратилов с Вадимом переглянулись и оба одновременно покачали головами.

У Станислава возникла мысль, что нечто схожее, видимо, в этих происшествиях было. Возможно, и с другими, носящими следы схваток, были неприятности того же характера. И возникал вопрос: что это может означать? Если у всех разборки были с кавказцами или со среднеазиатами, то, вероятно, можно рассматривать ситуацию так: курсантов направляют на иноплеменников, а иноплеменников – на курсантов. А какой в этом смысл? Что-то не сходилось в предположениях. Следовало подождать, чтобы собрать дополнительные факты...

* * *

Не успели курсанты рассестись, как в дверь заглянул подполковник Вальцеферов. Майор Базука подошел к двери, чтобы пошептаться о чем-то с подполковником, после этого нашел глазами Станислава, кивнул и сказал:

– Спецназ ГРУ – на выход. Загляни в кабинет к подполковнику Вальцеферову. Тебя там ждут. И постарайся не задерживаться. Мне не нравится, когда мои лекции прогуливают.

Станислав пожал плечами и двинулся к двери.

– А кабинет где? – спросил уже перед выходом.

– Второй этаж, слева от доски объявлений. Ну, где расписание висит...

Ратилов вообще-то видел, как подполковник Вальцеферов открывал этот кабинет своим ключом, но справедливо рассудил, что ни к чему демонстрировать свою наблюдательность, и вообще излишнее внимание обычно проявляет человек, в чем-то заинтересованный. Таковым показаться старший лейтенант не желал и предпочел спросить. Он вышел и неторопливо двинулся в сторону лестницы. Сам Вальцеферов уже ушел. Торопился, видимо.

Около двери Станислав прокашлялся, затем постучал.

– Войдите, – откликнулся из-за двери подполковник Вальцеферов.

Ратилову, привыкшему к армейским офицерским отношениям, трудно было держать себя с некоторой гражданской расхлябанностью, и тем не менее он чуть развязно спросил:

– Звали?

– Вызывал, – поправил Вальцеферов, внимательно, но чуть насмешливо вглядываясь в спокойного и невозмутимого курсанта. – Присаживайся. Сейчас приедут из уголовного розыска с тобой побеседовать. Не ждешь, скажешь, такой беседы?

– Меня уже трижды в разные милицмейские службы приглашали. Предлагают работать, – увел старший лейтенант тему в сторону.

– А зря. Неплохая работа. Посмотрим, может, и я в ОМОН позову...

– Не пойду, – категорично сказал Станислав.

– Чем тебе ОМОН не нравится?

– Я свое отслужил. Погоны надоели, субординация надоела. Если уж служить дальше, я бы только в спецназе ГРУ остался. Но и там надоело. Хочу с семьей больше бывать.

– Семью на службе завел?

– Во время службы. Контракникам это разрешается и даже приветствуется. Хотя жилья для офицеров не хватает. Но официально обещают. Лет тридцать прослужишь, может быть, и получишь.

– Старые проблемы. У нас они, правда, лучше решаются. Потом, может быть, и поговорим.

– Едва ли, – упрямо возразил старший лейтенант.

– Ну и ладно. Сейчас разговор не о том.

За окном послышался шум двигателя машины. «Тойоты Лендкрузер», несмотря на свои солидные габариты и сильные двигатели, работают бесшумно. Значит, приехала другая машина. Вальцеферов, не поднимаясь из кресла, определил по звуку, что это за авто.

– Менты по твою душу. Что ты там натворил вчера вечером?

– Я разве что-то натворил? – со спокойным удивлением спросил Станислав, сам, однако, не чувствуя при этом спокойствия.

Быть до конца уверенным, что кто-то со стороны не заметил происходящего на балконе, он не мог. Впрочем, волноваться особенно тоже не стоило. Если бы кто-то видел и сообщил в милицию, его не стали бы так вот предупреждать. Просто зашли бы с группой захвата в класс, где идут занятия, и задержали бы. Да и кто мог знать, что он, проживающий в той квартире, в настоящий момент находится на занятиях в школе «Вальгалла»? Если все это продумать, то становится очевидным, что приехал кто-то по наводке подполковника Вальцеферова. Только вот что это за наводка? Вальцеферов сдал Ратилова или «прокачивает» с помощью своих друзей в милицейской форме. А антураж в виде машины организовать не сложно. Скорее всего ситуация выглядит именно так. Шестьдесят процентов за то, что Вальцеферов для чего-то организывает «прокачку», а сорок процентов все же следует оставить на возможное желание подполковника таким простым способом избавиться от своего курсанта. Но опять же в этом случае никто не стал бы предупреждать старшего лейтенанта. Гораздо проще было захватить его неожиданно. Тем более что после вчерашнего вечернего случая менты уже должны догадываться, что имеют дело с опасным человеком.

– Сказать мне ничего не желаешь? Чтобы я попробовал помочь...

– Мне нечего сказать. И какая помощь мне нужна?

В дверь постучал и сразу же, не дожидаясь приглашения, вошел капитан милиции.

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Заходи, работай. – Вальцеферов встал, уступая свое место. – Что-то понадобится – стукни в стенку. Я рядом буду.

Еще раз с прежней легкой насмешкой глянул на Ратилова и вышел.

Капитан устроился в кресле напротив и раскрыл перед собой папочку из ободранного кожаменителя. С громким звуком открыл замок-молнию и вытащил несколько листов, какие-то заполненные неразборчивым почерком бланки.

– Ратилов Станислав, как я понимаю? – спросил он, посмотрев на старшего лейтенанта. Выражение лица при этом сохранял строгое и решительное.

– Он самый...

Они были примерно одного возраста и смотрели друг на друга оценивающе. Но у капитана в глазах было еще и любопытство. А Станиславу было интересно, знает ли капитан о том, что в действительности произошло минувшим вечером, или он в самом деле карта, которую разыгрывают втемную.

– Вы в настоящее время проживаете без регистрации по адресу...

Он назвал адрес. Ратилов кивнул:

– Именно там.

– Я пока не буду выписывать постановление об административной ответственности за проживание без регистрации... – начал капитан с предупреждения, словно собирался торговаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.